

«Пейдж-тернер с персонажами, которых вы
будете любить и ненавидеть.
Просто потрясающий детектив!»

Кира Руда,
автор книги «Самый лучший день»

Young Adult. Что скрывает ложь. Триллеры

Диана Урбан

Все твои грязные секреты

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Урбан Д.

Все твои грязные секреты / Д. Урбан — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Что скрывает ложь. Триллеры)

ISBN 978-5-04-113558-4

Некоторые секреты слишком опасны, чтобы их скрывать. Шестеро старшеклассников получили неожиданные письма. Они выиграли стипендию на обучение в колледже и приглашены в ресторан. Но вместо торжественного ужина их ждала жестокая игра. В ресторане нет ни души, выход заблокирован, мобильная связь не работает. А на одном из столов – взрывное устройство, шприц с ядом и записка. Кто-то один должен умереть. В течение шестидесяти минут нужно сделать выбор, иначе погибнут все. Но кого выбрать жертвой? Эмбер, девушку с музыкальным талантом? Сашу, ее подругу и капитана чирлидеров? Прию, фанатку фокусов и фэнтези? Робби, спортсмена и звезду бейсбола? Диего, ботаника и изобретателя? Или Скотта, главного разгильдяя школы? Время пошло.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-113558-4

© Урбан Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1 год и 1 месяц назад	17
Осталось 59 минут	25
1 год и 1 месяц назад	27
Осталось 57 минут	32
Год назад	36
Осталось 53 минуты	44
11 месяцев назад	46
Осталась 51 минута	50
10 месяцев и 2 недели назад	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Диана Урбан

Все твои грязные секреты

Брайану за каждый час

Diana Urban
All Your Twisted Secrets

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Diana Urban

© Карманова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

* * *

«Уважаемая Эмбер Прескотт!

Поздравляем Вас! С радостью сообщаем, что Вы являетесь претендентом на получение стипендии Брюстерского городского совета в размере 20 000 долларов. Мы ценим Ваши музыкальный талант и Ваш вклад в жизнь нашего города.

Предлагаем Вам отметить Ваш успех, приняв участие в торжественном ужине, на котором будет присутствовать мэр города Тимоти Мэйноут и остальные пять лауреатов. Ужин состоится во вторник, 4 февраля, в семь часов вечера в ресторане «Честерфилд».

В заключение еще раз поздравляем Вас.

С нетерпением ожидаем встречи с Вами в «Честерфилде».

*Искренне Ваш,
председатель стипендиального комитета
при администрации города Брюстера».*

Последний час я провела, размышляя, не умру ли сегодня ночью.

Ведь помереть от инфаркта можно и в семнадцать, верно? От мыслей о предстоящем званом ужине мое сердце колотилось о ребра так сильно, что мне мерещилось, будто мои дни сочтены.

Вы спрашиваете, что плохого в званом ужине? Начнем с того, что мой парень, Робби, тоже приглашен на эту веселенькую вечеринку, а между нами в последнее время творится не пойми что. Мы постоянно ссорились насчет того, чем заняться после выпуска, – и это еще мягко сказано. По мере того как последний школьный год приближался к концу, напряжение между нами нарастало. Тот факт, что Диего, наш будущий лучший выпускник, тоже получил приглашение, ничуть не улучшал ситуацию. За последнее время наша дружба превратилась в

нечто иное – нечто, от чего у меня краснели щеки, нервы искрились, а сердце разбухало, как погруженная в воду губка.

Если мы трое окажемся в одной комнате, может произойти катастрофа. Если Робби заподозрит, что мне нравится наш ботаник, он при всех познакомит Диего со своими кулаками. У нас с Робби были проблемы посерьезнее, чем присутствие другого парня. Но чиркни спичкой в комнате, залитой бензином, – и ты неизбежно сгоришь. Если бы я была способна хоть в малейшей степени сдерживать свои эмоции, я, быть может, и пережила бы этот вечер без ущерба. К несчастью, я хреново умею врать, так что без взаимных угроз и перспективы махания кулаками, скорее всего, не обойдется.

Вот так. Сердечный приступ неотвратим. Мне просто нужно пережить сегодняшнюю ночь, и все сложится как надо.

Надеюсь.

Пытаясь успокоить нервы, я сделала погромче саундтрек к «Гарри Поттеру» и принялась рыться в гардеробе, быстро придя к выводу, что вся моя одежда отвратительна. Я могла либо одеться ультраобыденно, либо выбрать классический черный («похоронный шик», как это называла Саша), и оба варианта выглядели крайне подавляюще.

Когда большая часть моей одежды оказалась свалена в кучу на полу – к большому удовольствию моего кота Варезки, уютно устроившегося посередине, – я обнаружила старое платье с изумрудными блестками, которое когда-то надевала на фортепианный концерт. Теперь оно едва доходило до колен, но это был единственный предмет гардероба, который выглядел хоть сколько-нибудь впечатляюще.

– Эмбер, ты выглядишь великолепно! – сказала мама, когда я взбежала вверх по лестнице – из своей спальни на подвальном этаже, – на ходу одергивая платье.

– Ты говоришь это только потому, что ты моя мама.

– Не проецируй все свое самоуничтожение на меня. – Она поправила рыжую прядь, уже успевшую выбиться из моей прически. Ее рыжие, жесткие и прямые волосы были уложены в типичную мамскую прическу – боб-каре. – Ты выглядишь утонченно. Хотя это платье не помешало бы немного удлинить.

– Робби уже здесь? – Он опаздывал на целых десять минут. Я выглянула в витражное окошко в парадной двери, высматривая его внедорожник и нервно крутя на руке аметистовый браслет. Варезка терся о мои лодыжки, оставляя белую шерсть на моих черных туфлях с открытым носом и бархатным верхом.

– Тебе запрещено ходить на свидания, пока тебе не исполнится сорок семь! – крикнул папа из своего кабинета, который находился дальше по коридору.

– Наверное, сейчас неподходящий момент для напоминания, что мы встречаемся уже примерно год? – спросила я. Даже мама вслед за мной демонстративно закатила глаза.

Как раз в тот момент, когда я допечатала сообщение Робби, в проезде показался свет фар. Я бросила телефон в сумочку, а мама подала мне куртку и поцеловала меня в щеку. Я направилась к двери.

– Напиши мне, когда доберешься.

– Хорошо, мам. – Я натянула куртку. – Через несколько месяцев я буду уже в университете. Мне и тогда продолжать писать тебе каждый раз, когда я куда-нибудь пойду?

– Было бы чудесно, спасибо, что предложила! – она подмигнула, словно что-то замышляя, хотя в ее взгляде застыла тень грусти. – Люблю тебя.

– Пока! – крикнула я, обернувшись, и поспешила по дорожке навстречу ночи, не по сезону сырой и туманной. Незастегнутая куртка развевалась за спиной. Нельзя сказать, что мама *чрезмерно* заботилась обо мне. Она разрешала мне делать все, что я хочу, при условии, если я регулярно буду сообщать ей, что я жива.

Нельзя сказать, что у нее не было на это оснований.

Робби бросил свою бейсбольную перчатку на заднее сиденье.

– Привет, малышка.

– Робби, ты на пятнадцать минут опоздал! Ты серьезно? – Одним движением я захлопнула пассажирскую дверь и застегнула ремень. Обычно я не начинала ссору первой, но сейчас мои нервы были на пределе.

– Эмбер. Успокойся. Я на тренировке задержался. – Его обычное оправдание. Робби наклонился и поцеловал меня, окатив сладким запахом мыла и шампуня. Положив руку на подголовник моего кресла, он принялся выкручивать на дороге. Мама помахала рукой, глядя на нас из окна гостиной. Робби нажал на газ, и она закрыла шторы. – Кроме того, мне пришлось заехать домой, чтобы захватить твой подарок. – Он протянул руку за сиденье, не отводя взгляда от дороги, вытащил маленькую коробочку и бросил ее мне на колени.

– Мой... подарок? В честь чего?

– Открой. – Он улыбнулся, и я увидела ямочки на его щеках и морщинки в уголках глаз. С любопытством разорвав красную ленту, я обнаружила в белой коробочке браслет с подвесками. С цепочки из аметистовых бусин свисали серебряные музыкальные нотки. – Я подумал, он хорошо будет смотреться рядом с твоим. – Он показал на доставшийся мне от бабушки аметистовый браслет, который я носила на правом запястье.

Мой гнев испарился, и ему на смену пришла смесь радости и ужаса, повергшая меня в растерянность.

– Но в честь чего?

– Я не могу купить что-то красивое для своей девушки просто так, без причины?

Он улыбнулся еще шире – эта заразительная улыбка всегда заставляла меня почувствовать себя будто самой яркой звездой на небе. Она казалась совершенно искренней. Все в Робби казалось искренним. Он был как на ладони, и это являлось одновременно благословением и проклятием – я не переставала удивляться тому, как сильно он любит меня... или как сильно он злится на меня, особенно в последнее время. Но его подарок на музыкальную тему застал меня врасплох.

В последнее время разговоры о моих занятиях музыкой стали для нас болезненным местом. Робби хотел, чтобы я переехала вместе с ним в Джорджию, где он благодаря игре в бейсбол получил стипендию на обучение в Технологическом институте. Можно подумать, будто для меня отказаться от мечты изучать музыку в Южно-Калифорнийском университете или в Беркли – не такая уж большая жертва.

– Но ты ведь можешь заниматься музыкой где угодно, – настаивал он. Пару месяцев назад мы ужасно сильно поссорились из-за этого, и он убедил меня подать документы в Джорджийский Технологический университет, рассчитывая отложить споры до момента, когда я получу результаты поступления.

А потом мне сообщили, что я принята. И тогда я поняла: нам придется расстаться.

Может, я и любила Робби, но в музыку я была влюблена столько, сколько себя помню. Я не могла позволить ему заставить меня отказаться от своей мечты. Несмотря на свою решимость, я еще не придумала, как вывалить на него все новости.

Но теперь события обернулись совершенно неожиданным образом. Я провела пальцами по подвескам в виде музыкальных нот. Такой продуманный подарок. Может, он наконец-то понял мою точку зрения? Решил пойти на компромисс?

Словно прочитав мои мысли, он произнес:

– Я заметил, что мы некоторое время не поднимали эту тему, о школе и прочем. – О школе и прочем. Как аккуратно он упаковал все мои музыкальные амбиции в одно слово. «Прочее». Он пригладил свои коротко стриженные темно-русые волосы. – Ты еще не получила ответ из Джорджии?

Мои плечи напряглись.

– Нет. Еще нет. – К счастью, в темноте не разглядеть, как у меня покраснели щеки. У меня была бледная кожа, и собственная кровь всегда выдавала меня: лгунья.

– Что ж, ответ должен прийти скоро. Я хочу быть рядом с тобой. – Держа одну руку на руле, другой он коснулся моей. Наши пальцы переплелись. – Вместе мы сможем что-нибудь придумать. Эмбер, я люблю тебя.

– Я... тоже. – О боже. Что мне делать? Поцеловав мою руку, он отпустил ее, и я принялась неловко возиться с застежкой нового браслета, закрепляя его на левом запястье. Я прислонилась к боковому окну, наблюдая, как мимо проносятся однообразные двухэтажные дома в колониальном стиле. Остаток пути мы проехали молча. Толстые капли дождя колотили по машине, заглушая мои мысли.

– Вот отстой. – Я застегнула куртку, не расстегивая ремня. Все равно что помыть машину – если я завью волосы, неизбежно пойдет дождь. Если мы переедем в Калифорнию, я одной левой решу все их проблемы с засухой.

Робби дернул уголком рта.

– Это просто вода.

– Может, объяснишь это моим волосам, а? – я поправила челку.

Робби взглянул на меня, останавливая машину перед «Честерфилдом».

– Эй. Ты выглядишь прекрасно. В том числе волосы.

Мои щеки снова покраснели.

– Спасибо.

Страхнув с себя тревожность, я принялась высматривать на улице место для парковки. «Честерфилд» – элитный ресторан на цокольном этаже бывшего старого склада – сейчас здание перестроили и переделали под дорогие торговые помещения. По выходным здесь собирались местные, которые делали вид, будто живут в городе с насыщенной общественной жизнью, хотя на самом деле весь его «деловой центр» ограничивался тремя кварталами.

Впрочем, это никого не обманывало. Мы были такими до мозга костей – унылый город-спутник неподалеку от Нью-Йорка.

К счастью, по случаю вторника на углу обнаружилось предостаточно парковочных мест. Как только Робби припарковался, я отстегнула ремень безопасности и выскочила наружу. Придерживая капюшон над головой, я завернула за угол, старательно избегая луж. На тротуаре никого не было – только две женщины средних лет спешили к стоящей неподалеку машине, прикрываясь двумя огромными черными зонтами. Я взбежала по ступенькам к главному входу «Честерфилда», не дожидаясь, пока Робби меня догонит.

Вряд ли его можно заставить спешить куда-то, кроме домашней базы.

Подойдя к стойке администратора, я отряхнула воду с куртки. Впереди рядами выстроились столики с отделанными бархатом диванами, а вдоль противоположной стены вытянулся бар. За ним высилась пирамида бутылок с вином и крепкими напитками, и проникающий между ними свет создавал слабое сияние. Классическая музыка струилась из динамиков, установленных в потолке над столиками.

Над пустыми столиками.

В помещении никого не было.

– Ты уверена, что нам нужно было в «Честерфилд»? – донесся голос Робби у меня из-за спины.

– Ага. Смотри. – Я показала на табличку, приклеенную скотчем к стойке администратора. «Мероприятие для лауреатов стипендии Брюстерского городского совета проводится в зале „Вайнона“». Стрелка показывала вправо. – Сюда.

– Куда все подевались?

Чувствуя, как колотится сердце, я шагнула вперед.

– Наверное, уже в зале «Вайнона», как тут и написано.

– Нет, я имею в виду, все остальные...

– Давай пойдем. – *Давайте просто покончим с этим.* Я взяла Робби за его мозолистую руку и повела его через пустой зал ресторана. Из открытых дверей, расположенных рядом с баром, донесся знакомый зычный смех.

За дверью обнаружилось помещение меньшего размера – но не менее изящное. Длинный обеденный стол из красного дерева стоял на изысканном персидском ковре, который покрывал большую часть блестящего, почти черного деревянного пола. Поскольку комната находилась на полуподвальном этаже, довольно глубоком, в ней имелось только два небольших окошка у самого потолка. По стенам рядом с дверью и под окнами были расставлены комоды из того же дерева, что и стол. Между двумя буфетами, заполненными бокалами и всякими безделушками, уместился камин из красного кирпича. Он отражался в огромном, обрамленном медью зеркале, которое висело на противоположной стене. В медном канделябре, низко нависавшем над центром стола, мерцали электрические свечи. Помещение казалось каким-то средневековым и в хорошем смысле слова тесным.

Саша Харрис и Диего Мартин уже заняли свои места. Они смеялись над какой-то шуткой, которая, уж конечно, не имела ничего общего с ее постоянным желанием превзойти его. Робби кашлянул, и Саша смолкла на полуслове и оглянулась, высунувшись из-за спинки своего стула. Когда она увидела меня, у нее загорелись глаза.

– Приветствую вас, леди! – она тут же вытянулась, обернувшись, и, выставив вперед подбородок, поцеловала воздух по обеим сторонам от моего лица. – Ребята, слава богу, что вы тоже выиграли эту стипендию. Иначе у нас был бы на редкость унылый вечер, – пробормотала она себе под нос.

На месте Саши мечтали оказаться многие – капитанша группы чирлидеров, руководитель театрального кружка, президент класса, прекрасный кандидат на то, чтобы окончить школу с отличием. По странному стечению обстоятельств сейчас она была моей лучшей подругой. Сегодня она надела обтягивающее красное платье без бретелек, а блестящие каштановые волосы ниспадали свободными волнами на ее обнаженные плечи так, что ни одна прядь не выбивалась из прически.

– Но шанс встретиться с мэром – это все же круто, – сказала я. – Он уже здесь?

Она выпустила Робби из объятий.

– Нет, еще нет. Но, к твоему сведению, это полная противоположность слову «круто». Ну правда, сама подумай. Разве может кто-то с детства мечтать стать мэром такого городишки?

Я сбросила с плеч промокшую куртку, повесила ее на резную вешалку рядом с дверью и поправила челку. Завитые волосы уже начали распрямляться. Проклятый дождь.

– Брр. Тут как в печке.

– Уф, я знаю. – Саша помахала рукой, словно веером. – Давай, твое место рядом с моим. – Она показала на стул, стоявший ближе всего к двери. Стол окружали восемь стульев с высокими спинками – по три с каждой стороны и по одному с торцов. На моей тарелке с золотой каемкой стояла табличка с надписью «Мисс Прескотт». У Саши была табличка с надписью «Мисс Харрис». Круто смотрится. Я отодвинула свой высокий стул и, взглянув на другой конец стола, встретила взглядами с Диего.

Ну вот, приехали.

На его лоб падали пряди темных волос. Он посмотрел на меня в ответ своими выразительными медными глазами, и на его губах появилась улыбка.

– Привет, Эмбер.

В моей памяти вспыхнуло воспоминание о том, как несколько недель назад эти глаза оказались в нескольких сантиметрах от моих. Давайте скажем прямо – сейчас на моем лице можно яичницу поджарить.

– Привет.

Слово слетело с моих губ, как легкий порыв ветра. Я поставила сумочку на пол и села, мысленно проклиная себя за неспособность ничего скрыть. В конце концов, между нами ничего не было. Что-то почти случилось несколько недель назад. Но «почти» – не считается.

– Поздравляю, – сказал он. – Дай угадаю... ты выиграла стипендию благодаря занятиям музыкой?

Я нервно рассмеялась, крутя в пальцах подвески в виде нот на новом браслете.

– Ага. Наверное, меня номинировал мистер Торренте. Ну, то есть, по сути, последние четыре года я преподавала в его оркестровом классе, – вещала я, не в силах остановиться.

О боже. Если Робби заметит хоть что-то странное между мной и Диего, сегодняшний вечер превратится в кошмар. Делано закашлявшись, я прикрыла рот рукой, стараясь скрыть, как пылают мои щеки. К счастью, Робби не замечал ничего вокруг – он рылся в телефоне, стоя рядом с вешалкой, то и дело качая головой.

– У меня в голове не укладывается, что они дали Диего одну из этих стипендий, – прошептала Саша, когда Диего тоже достал телефон. – Наверное, двадцать тысяч долларов для него сейчас – сущий пустяк.

Диего не только был невероятно умным, но и считался в нашей школе знаменитостью. Он изобрел необычную губку, которая меняла цвет, когда становилась мокрой, и попал с этой штукой в «Бизнесмен или банкрот» – реалити-шоу, в котором изобретатели пытались получить финансирование от богатых предпринимателей, – летом, накануне девятого класса. В итоге его проект привлек внимание всех инвесторов на шоу, Диего заключил сделку, и они с папой продали миллионы «Губок-Клоунов».

– Ну, он *наверное* окончит школу с отличием, – прошептала я в ответ.

Наклонив голову, Саша улыбнулась, хотя в ее взгляде пылал огонь.

– Пожалуй, мне нечего на это ответить.

– У меня здесь не ловит. – Робби уселся рядом со мной, расстегнув верхнюю пуговицу своей клетчатой рубашки.

– Мне кажется или тут выше тридцати градусов?

Я потянулась за своим стаканом с водой и отпила немного.

– Ага, жарковато.

– Уф, – вздохнула Саша, и я, проследив за ее взглядом, оглянулась – в зал вошла Прия Гупта. Она осмотрелась вокруг и поморщилась. Сказать, что Прия моя лучшая подруга, было бы преуменьшением. Она мне как сестра. Сейчас она избегала моего взгляда, молча глядя в пол своими большими карими глазами. Повесив куртку на вешалку, она одернула свободные рукава своего платья в стиле «бохо». Робби поприветствовал ее, но она лишь буркнула что-то в ответ. Печаль навалилась на мою грудь, словно груда камней, но я хранила молчание, пока Прия устраивалась рядом с Диего. Они обменялись негромкими приветствиями, и она стала разглядывать свои ногти.

– Здравствуй, Прия, – монотонно и напевно произнесла Саша.

Прия заметно напряглась.

– Привет.

Я улыбнулась ей, но она на меня даже не посмотрела. У меня сжалось горло. Станет ли она когда-нибудь снова говорить со мной? Представляет ли она, как сильно я по ней скучала?

– Поздравляю! Я и понятия не имела, что ты прошла отбор на получение стипендии, – произнесла Саша. Прия не стремилась стать лучшей из лучших, но оценки у нее были отличные.

Прия изогнула бровь.

– О, ты хочешь сказать, что тебе не все равно, кто, кроме тебя, победил?

Улыбка исчезла с Сашиного лица.

– Что ты хочешь...

Я толкнула Сашу локтем.

– Не начинай. – Нахмурившись, она взглянула на меня. – Ты же не хочешь, чтобы те, кто отвечает за выдачу стипендий, слышали, как вы ссоритесь.

Саша кивнула, а Прия, коротко фыркнув, вернулась к рассматриванию собственных ногтей.

Диего снова встретился со мной взглядом, и мои внутренности словно растеклись в лужицу у меня под ногами. Как раз в этот момент Робби коснулся моей руки под столом, и я вздрогнула. Он рассмеялся.

– Прости, что напугал.

Его рука оказалась холодной, хотя в комнате было тепло. Он поцеловал меня в щеку. Диего смотрел на нас. О боже. Как я переживу эту ночь?

– Умираю от голода, – сказала Прия, доставая что-то из сумочки. – Уф, я забыла взять с собой батончик с гранолой.

Диего подхватил с пола свой рюкзак.

– У меня где-то есть шоколадный. Хочешь?

Она отмахнулась от него.

– Нет-нет, все нормально. Но спасибо. – Пока она осматривала узорчатые серебряные блюда, расставленные на столе, Скотт Коулман – наш выдающийся любитель травки – ввалился в зал. На нем был его обычный костюм – черная куртка поверх черной футболки и драных джинсов. Комплект довершала черная вязаная шапочка.

Саша открыла рот.

– А *ты* что здесь делаешь?

– Подозреваю, то же, что и вы, – ответил Скотт. Он улыбнулся Прие, и та смущенно улыбнулась в ответ.

– Да быть не может, приятель. – Робби наморщил нос. От Скотта несло куревом. – Ты выиграл *стипендию*?

Скотт оттянул воротник своей кожаной куртки.

– Похоже на то.

– Чушь, – сказал Робби. Саша цокнула языком.

Ух ты. Похоже, сегодня никто не настроен общаться.

– Ребята, будьте вежливее, – попросила я, пытаюсь настроить всех на более позитивный лад. – Может, он тайный гений.

Скотт подмигнул мне.

– Привет, Рыжая. Как дела?

– Бекон запасла. – Мы придумали это приветствие еще давно, когда играли вместе, будучи детьми, и еще не осознавали, как мало у нас общего.

Одобрительно кивнув, он вытащил из кармана сложенное письмо.

– Я получил вот это письмо. Там было сказано прийти сюда. Вот я и пришел.

– Но как ты прошел отбор? – спросила Саша, мило улыбаясь. – У тебя есть какой-то секретный талант, который ты от нас скрываешь?

– Не-а. – Скотт пожал плечами и, пошатываясь, направился к столу. – Но кому какая на фиг разница? – Он плюхнулся на пустой стул рядом с Прией и развернул обертку жвачки. – Двадцать тыщ – это двадцать тыщ. К тому же у меня все равно нет планов на вечер и мне нравится, когда бесплатно кормят, так что, выходит, одни сплошные плюсы.

Саша поморщилась.

– Это не то место, чтобы...

Массивная дубовая дверь у меня за спиной громко хлопнула с такой силой, что вибрация отдалась в моей груди, а бокалы в буфете зазвенели. Все вздрогнули, а кто-то даже вскрикнул.

– Сквозняк? – Я резко отодвинула стул и встала, чтобы открыть дверь. В этот момент снаружи загремел гром.

– Ах да. – Плечи Робби расслабились. – Буря.

Когда я протискивалась мимо Саши, она отбросила волосы назад и снова сосредоточенно уставилась на Скотта.

– Как бы там ни было, они не станут просто так раздавать по двадцать тысяч долларов кому попало.

Она задумчиво подперла подбородок кулаком, словно сама идея о том, что Скотт может что-то выиграть, была в высшей степени невероятной.

– Смотрите, у Робби есть бейсбол, Эмбер – музыкальный вундеркинд, а я руковожу театральным клубом. Должна быть *какая-то* причина для победы.

– А? – Скотт жевал, шлепая губами. – Ну, я возглавляю клуб тех, кому на все пофиг. Может, это тоже считается.

– Эй... ребята? – я покрутила дверную ручку. Она вращалась, но дверь не двинулась с места. – Похоже, дверь заело.

– Seriously? – Прия уставилась на меня, словно представляла ад именно таким – оказаться запертой в одной комнате с нами.

– Ты просто мелкая слабачка. – Робби подошел и игриво толкнул меня в бок.

– Вовсе нет, – пробормотала я, возвращаясь на свое место. Отыскала в сумочке телефон. Нет сети.

Пока Робби сражался с дверью, я рассматривала стол. Все, кроме Диего, усталились в свои телефоны. А он глядел в одно из окон. Переулок, на который оно выходило, осветила молния. Робби выругался и в последний раз дернул дверную ручку.

– Вот черт. И правда, заело что-то.

Я закатила глаза.

– Я же говорила.

– Отстой. – Саша помахала телефоном над головой. – У меня не ловит.

– И у меня, – подтвердила я.

– И у меня, с момента, как мы сюда вошли. – Робби достал телефон и потряс им, словно это могло помочь.

– Тоже, – вставила Прия.

– Что ж, рано или поздно должен явиться мэр, верно? – спросил Диего.

– Ага, – кивнула я. – Он сможет выпустить нас, вызовет помощь или еще что.

– Разве он не должен был уже прийти? – Саша взглянула на часы.

– Наверное, опаздывает, – сказал Диего.

Саша взглянула на Робби, который ударил замок кулаком и еще раз покрутил дверную ручку.

– Но что, если ему пришлось отменить встречу? – ее голос задрожал. – Что, если он сейчас пытается дозвониться до нас, но у него не получается? Что, если никто не придет?..

– Саша, расслабься, – произнесла я. Диего окинул стол хмурым взглядом.

– Если ему не удастся дозвониться, – сказал Скотт, – его сотрудники пошлют какого-нибудь секретаря, чтобы сообщить нам, верно?

– Уф, странно, – добавил Диего. – Стол накрыт на шестерых. – Показывая на столовые приборы, Прия пересчитала их вслух. Диего был прав – стульев было восемь, но рядом с теми, что стояли в торцах, не было ни столовых приборов, ни тарелок, ни бокалов.

– Да? И что? – спросил Скотт.

Мы с Диего переглянулись.

– Это странно, – проговорила я. – Если мэр должен был отужинать с нами, почему стол накрыт только на шестерых?

– Хочешь сказать, никто не придет, чтобы нас выпустить? – спросила Саша, и в ее голосе слышались, пожалуй, нотки паники.

– Должен же кто-то накрывать на стол и подавать еду, – предположил Скотт. – Официант или кто-то вроде того.

– Похоже, все необходимое уже сделано. – Взмахом руки Диего показал на подносы с полукруглыми крышками, выстроившиеся вдоль стола. – Но почему еду подали еще до того, как мы пришли?

Скотт снял крышку с подноса, который стоял ближе всего к нему. Под ней обнаружилась цельная жареная курица и дымящиеся овощи.

– Мне кажется или это и правда странно?

– Думаю, тебе не кажется, – пробормотал Робби, снимая крышку с салатницы.

– Что ж... – Облизнув губы, Прия взглянула на блюдо с жареными бататами. – Ну, мы можем поесть, верно?

– Думаю, да... – я прикусила губу.

Робби бросил крышку на пол себе за спину.

– Ладно. Давайте тогда начинать вечеринку, верно?

Он снял крышку с еще одного блюда с курицей.

– Есть в этой забегаловке что-нибудь выпить?

– Ага, но все в баре, снаружи, – сказала Саша, открывая тарелку с фаршированными яйцами. – Фу. Интересно, как долго они тут пролежали?

Я встала и подняла крышку с самого большого блюда, стоявшего в центре стола.

Саша и Прия одновременно вскрикнули, и я чуть не уронила крышку. Сердце словно провалилось куда-то вниз. Все потрясенно уставились на содержимое подноса.

Шприц.

Конверт.

И что-то, пугающе напоминавшее бомбу.

– Что это вообще за фигня? – спросил Робби. Я не отрываясь смотрела на шприц. По спине пробежала дрожь. Шприц был наполнен бледно-бежевой жидкостью. Не защищенная колпачком игла блестела в свете канделябра, висевшего у нас над головой.

– Что это за... *хрень*? – вскрикнула Саша.

Несколько пластиковых емкостей размером с пачку молока были прикреплены к полудюжине коричневых палок, сцепленных проводами с маленькими электронными часами и несколькими батарейками. Каждая емкость была до половины заполнена желтой жидкостью. Часы лежали горизонтально, красные цифры вели обратный отсчет – начиная с пятидесяти девяти сорока пяти. Пятьдесят девять сорок три. Пятьдесят девять сорок два.

– Похоже на бомбу, – сказал Робби, стиснув зубы.

– Я запустила таймер... – произнесла я, не обращая ни к кому конкретно, сжимая крышку обеими руками. – Наверное, он запустился, когда я подняла крышку...

– Это все не по-настоящему, – произнесла Прия. – Так ведь?

– А для чего шприц? – спросила Саша.

– На нем есть этикетка. – Диего наклонился и прочитал: – Ботулотоксин. Вот черт. – Он побледнел.

– Что такое этот боту... как его там? – спросила Прия. Она стиснула кулак так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Диего продолжал читать.

– Тут написано: «Осторожно: не допускать попадания на кожу. Одна капля может быть смертельной. Введение всего содержимого шприца вызовет мгновенную смерть».

Мы потрясенно переглянулись.

– А что в конверте? – спросил Робби. Никто не шелохнулся.

Пятьдесят девять тридцать. Пятьдесят девять двадцать девять.

Я поставила крышку под стол, взяла конверт с подноса, открыла его и вытащила листок бумаги. Развернув его, я прокашлялась и прочитала вслух:

– Добро пожаловать на праздничный ужин. Еще раз поздравляем вас с тем, что прошли отбор. Теперь отбором займетесь вы. В течение часа вам следует решить, кто из присутствующих умрет. Если вы не примете решение, умрут все.

1 год и 1 месяц назад

Одиннадцатый класс, январь

Последние три года я провела, старательно избегая тварей типа Саша Харрис.

Но теперь мне нужно было обратиться к ней с просьбой, и от этого зависело мое будущее.

Будучи руководительницей театрального клуба, каждое полугодие она решала, какую пьесу ставить, и я хотела написать саундтрек к следующей. Это был мой единственный шанс попасть в Южно-Калифорнийский университет, чтобы учиться писать музыку к фильмам. Папа недавно ошарашил меня новостью, что не сможет оплатить мне поездку на прослушивание осенью, так что мне нужно было придумать способ поразить членов приемной комиссии – сделать то, на что окажутся неспособны остальные две тысячи потенциальных кандидатов. В стране есть только три программы, на которые принимают сразу после школы, так что конкуренция высока. Написать для школьной пьесы саундтрек, который будет исполнять живой оркестр, и отправить запись приемной комиссии – лучший план, который я смогла изобрести.

Но это означало, что мне придется поговорить с ней – с чертовой Сашей Харрис, настоящей королевой Брюстерской высшей школы – надменной, высокомерной, чертовски устрашающей и в то же время необъяснимо почитаемой. До девятого класса мы не пересекались – в нашем городе было две средних школы, ученики которых затем попадали в Брюстерскую. Так что мы с Прией ходили в Кромпонд, а Саша и ее подруги – в Хэмптон. Но до меня доходили слухи о ее мерзком характере, о том, какой беспощадной она может быть. Доводилось ли мне самой быть тому свидетельницей? Нет. Подходила ли я к ней достаточно близко, чтобы это могло произойти? Не смешите. Я не хотела бы оказаться ее следующей жертвой.

До этого момента.

Так что теперь, в первый день после зимних каникул, я наблюдала за ней с другого конца столовой, продумывая, как к ней подойти. Ее лучшие подруги, Эми и Мария, крутились вокруг нее как мошки, убивая время за пережевыванием последних слухов. Не знаю, что пугало меня сильнее – перспектива не попасть в Южно-Калифорнийский университет или Саша.

– У меня руки дрожат. – Я подняла руку на уровень глаз, продемонстрировав дрожащие пальцы. – Черт побери, я не справлюсь.

Услышав эти слова, Прия, моя лучшая подруга, заметно расслабилась.

– О, ну и слава богу. Валим отсюда. – Она повернулась, собираясь уходить. Ее длинные, блестящие черные волосы хлестнули меня по руке.

– Подожди! – я схватила ее за запястье. – Ты так легко позволишь мне испугаться?

– Ты не боишься – в тебе просыпается здравый смысл, – заключила она, бросив взгляд на Сашу и ее свиту. – Тебе не нужно писать саундтрек для этой дурацкой пьесы. Уверена, со своими записями ты пройдешь на любую музыкальную программу, на какую захочешь.

– У остальных кандидатов тоже есть записи. – Я вытерла пот с верхней губы, наблюдая, как те трое наконец уселись за пустой столик посреди столовой. – Но они подают всякие стандартные записи – ну, знаешь, треки для рекламы, для трейлеров и тому подобное. А мне нужно сделать что-то *эпичное*. То, что будет выделяться.

Прия подняла брови.

– Что, твоих десяти тысяч подписчиков на ютьюбе недостаточно, чтобы выделяться?

– Десять тысяч – это ни о чем. У других ребят больше. Мне непременно нужно сделать это.

– Почему ты думаешь, что Саша вообще станет думать об этом? Они всегда выбирают какую-нибудь бродвейскую постановку, так что музыка к ней уже есть. Предлагать Саше сочи-

нить новую музыку к пьесе – все равно что спрашивать, не захочу ли я вступить в какую-то дурацкую команду чирлидеров. Этому не бывать.

Прия всегда мечтала стать чирлидером. Но проблема заключалась в том, что у нее не хватало смелости попробовать.

– Давай так: если я заставлю ее согласиться, ты тоже попробуешь записаться в команду чирлидеров.

Ее глаза стали размером с блюда.

– Я *тоже* не стану. Саша там капитан. Она мне никогда не разрешит.

Я снова взглянула на Сашу. Как ей удалось запустить свои когти буквально во все? Как будто ей на роду написано постоянно быть в центре внимания. И никто не может сказать «нет» Саше Харрис.

Теперь я должна добиться, чтобы она не сказала «нет» мне.

Глубоко вдохнув, я немного помедлила и вынула из правого уха наушник, впитывая последние отголоски энергии из саундтрека к масштабному фэнтезийному сражению. Некоторые для смелости выпивают, а мне нужна лишь доза музыки. Мощные аккорды и крещендо заставляли меня чувствовать себя так, словно я смело иду навстречу врагу, готовая к битве.

– Сейчас я это сделаю.

– Я тебе официально запрещаю. – Прия вцепилась мне в локоть, когда я попыталась сделать шаг в их сторону. – Как твоя лучшая подруга, я не могу допустить, чтобы ты оказалась на пути Саши. Сейчас она не догадывается о нашем существовании, и это не должно меняться. Помнишь, что стало с твоей сестрой? Помнишь, на что способны такие люди, как Саша?

У меня сжалось горло от одного только упоминания моей сестры, и я рывком освободила локоть от хватки Прии.

– Думаешь, мне нужно напоминание?

Смерть моей сестры Мэгги научила меня избегать девушек с подлым характером, словно чумы. Я знала, каково это – быть жертвой их жестокости, жить под бременем их насмешек. Я и не догадывалась, что испытывала Мэгги, пока все не зашло слишком далеко. Она была старше меня на четыре года и уже заканчивала школу, когда я училась в восьмом классе, так что после начальной школы мы оказались в разных учебных заведениях. Каждый раз, когда я вспоминала о Мэгги, меня душило чувство вины: я совершенно не замечала, как те девочки издевались над ней.

Когда я узнала правду, было уже слишком поздно.

После того, как она умерла, я порвала со своими подружками. Отчасти из страха, что в итоге их жертвой могу стать и я. Но по большей части из-за того, что их жалость была для меня невыносима. Большинство людей чувствуют себя ужасно неловко рядом с кем-то, кто скорбит о потере. Они пялились на меня своими широко раскрытыми печальными глазами, и из-за их неловкости мне начинало казаться, будто это я должна *их успокаивать*.

Тогда я была не в силах с этим справиться. Вид скорбящих родителей угнетал меня. Мне требовалось быть сильной ради них. Рядом осталась только Прия, которая поддерживала меня, позволяла мне изливать свои чувства и не смотрела при этом на меня таким встревоженным и настороженным взглядом, как они.

Так что вместо того, чтобы ходить в гости к одноклассникам или кружиться в танце на школьных вечеринках, мы закрывались в моей комнате и устраивали киномарафоны или «джем-сейшны» – я работала над очередной композицией за клавиатурой синтезатора, надев огромные красные наушники, от которых вибрировал сам череп, а она, растянувшись на ковре с Варежкой, читала фэнтези или разучивала фокусы Дэвида Тёрстона из его шоу «Безумная магия» на «*Нетфликсе*». Прия, как образцовый интроверт, наслаждалась такой жизнью, но я иногда тосковала по возможности ощутить себя частью большой группы.

– Прости, – с напряжением в голосе произнесла Прия. – Я просто не хочу видеть, как тебе делают больно. – Она окинула взглядом Сашу и ее подружек, которые сгрудились вокруг стола, о чем-то оживленно перешептываясь. Они выглядели так, будто прямо сейчас готовы выйти на подиум – особенно по сравнению с девушками за соседним столиком. Там сидела Бекки Уоллес и наша прежняя компания. У них были слишком большие очки, свитера и неаккуратные французские косы.

Внезапно Саша хлопнула по столу, запрокинула голову и от души рассмеялась. Я и представить не могла, что когда-нибудь смогу настолько явно и громогласно демонстрировать уверенность в себе. Люди начали удивленно оглядываться, словно ожидая продолжения шутки. Если Саша Харрис сочла что-то смешным, к этому явно стоит прислушаться.

Пока речь не заходит о тебе.

У меня внутри все сжалось. Я могу позволить страху по-прежнему определять мое будущее, если я и дальше буду бояться таких девушек, как Саша. Или я могу подняться над всей этой чертовой мутой, из которой состоит жизнь в старшей школе, и сделать то, что нужно, чтобы начать учиться музыке и в будущем создавать невероятные саундтреки для кино и телевидения.

Я должна это сделать. Просто *обязана*.

Кроме того, каков худший сценарий? Она может отказать. Или посмеяться надо мной. Поиздеваться надо мной. Превратить меня в посмешище, так что я сама захочу...

– Уф. – Кто-то, пробираясь позади меня, задел мою руку, заставив отвлечься от этих мыслей.

– Извини! – бросил через плечо Зейн Картер, направляясь к столу Саши.

Пока я потирала руку, Прия пристально разглядывала его.

– Боже. Он до тебя дотронулся.

– Это еще слабо сказано.

Прия уже много лет сохла по Зейну. Он был вылитой копией ее любимого фокусника, Дэвида Тёрстона. Учítывая его сверкающие зеленые глаза, лохматые каштановые волосы, четко очерченные скулы и неизменную ухмылку, сложно было ее в чем-то обвинить.

Ну, мне самой эта ухмылка не слишком нравилась.

Она немела, широко распахнув глаза, всякий раз, когда он появлялся в поле ее зрения, и от нее невозможно было добиться чего-нибудь осмысленного. Мне показалось, что за зимние каникулы она наконец забыла о нем (лично я забыла), но пару дней назад, отправившись с мамой в магазин за продуктами, она заметила, как он изучает этикетку на протеиновом коктейле в седьмом отделе. Я запомнила, что это был седьмой отдел, потому что Прия рассказала мне об этом семнадцать раз.

– Знаешь... если мы подойдем вон туда, – произнесла я, – тебе, быть может, удастся поговорить с Зейном. – Мне нужно осуществить задуманное, а это будет намного проще, если мне не придется разговаривать с Сашей в одиночку.

– *Что?* – удивленно воскликнула Прия. – Он же со мной не разговаривает. Даже не думай.

– Почему нет? Я слышала, он в прошлом месяце порвал со своей девушкой. – Я подтолкнула ее локтем. – Может, теперь он тобой заинтересуется.

– Ага, конечно!

– Давай просто проверим! – я ухватила Прию за запястье и, не обращая внимания на ее сумбурные возражения, потащила к столику, где сидели Саша и Зейн. Он печатал что-то на смартфоне, опираясь локтями о колени, а девочки над чем-то хихикали.

– Привет, ребята...

Ох. О нет. Рядом с Зейном уселся Робби Нельсон, его товарищ по бейсбольной команде. Он торопливо дописывал домашнее задание. Я не сразу заметила его, потому что бейсболка скрывала его лицо. Он поднял взгляд на меня, и у меня в животе тихонько заурчало.

На лицо Робби было невозможно не засмотреться – с точеными чертами, выразительным прямым носом, угловатым подбородком и серыми волчьими глазами, которые заставляют того, на кого он смотрит, чувствовать себя оленем в свете фар. Хотя я не попадала в поле зрения Саши – как я и планировала, – с Робби я то и дело пересекалась взглядом в школьных коридорах. Он наклонял голову, словно изображая вопросительный взгляд, и смущенно улыбался. Я всегда отводила взгляд первой, опасаясь, что кто-то упрекнет меня, что я на него пялюсь. Поскольку у нас не было никаких общих занятий, он, наверное, даже не знал, как меня зовут.

Но я не могла допустить, чтобы он вывел меня из равновесия. Мне обязательно нужно поговорить с Сашей.

– Ну так вот, привет, – начала я снова. Я отбросила волосы назад и широко улыбнулась, стараясь не обращать внимания на дрожь в коленях. – Как провели каникулы?

Все пятеро одарили меня отсутствующими взглядами. Я продолжала улыбаться, пытаясь сдержать жар, грозивший залить краской мою шею. У меня в голове стало совершенно пусто, я как будто забыла, что такое слова. Все сценарии, которые я продумывала, принимая утренний душ, смешались в моей голове. О чем вообще говорят популярные ребята? Вот черт. Они устроились на самом высоком насесте, а мы – словно червяки, копошащиеся на полу курятника. На что я вообще надеялась?

Наконец, Робби нарушил тишину.

– Весьма неплохо. Ты Эмбер, верно?

Значит, он *знал* мое имя. По моим сосудам разлилось тепло. Он повернул бейсболку козырьком назад, а его серые глаза заискрились под флуоресцентными лампами, когда он одарил меня своей обычной косой ухмылкой. Два передних зуба были немного кривыми, но из-за этого он почему-то казался еще симпатичнее.

Он встал и пододвинул нам два стула из-за соседнего стола, словно они были легкими, как перышки.

– Кажется, мы раньше не встречались.

– Я знаю, представь себе! – ответила я, усаживаясь на один из них. – Наш класс все-таки *не настолько* большой. Но лучше поздно, чем никогда, верно? Ну, знаешь, так вроде говорится. – Я несла какую-то чушь и, несмотря на все свои усилия, отчаянно краснела. Прия, конечно, погрузилась в свое обычное молчание. Она не отрывала взгляда от Зейна, чуть ли не пуская слюни.

Эми и Мария улыбались, но в их взглядах по-прежнему читалась настороженность. Зачем мы вломились на их территорию? Прежде чем я успела что-то сказать, Саша протянула руку и пропустила между пальцами мою прядь.

– О боже, мне так нравится твой цвет волос. – У нее был певучий голос, и я не могла понять, смеется она надо мной или нет. – Какой цвет?

– Ну... это... рыжий?

Она гортанно рассмеялась.

– Разумеется. Я имею в виду краску. Какую краску ты используешь?

– А. – Я снова пригладила волосы. – Я их не крашу, правда.

Она прищурилась.

– Чушь. Это что, твои натуральные волосы? – Я застыла, прикусив щеку изнутри. Она что, подумала, будто я вру? Она откинулась назад на своем стуле, отведя локоть за спинку. – Ну ты и везучая, стерва.

Ее собственные волнистые каштановые волосы свободно ниспадали на плечи, изящные и блестящие. Родинка рядом с левым глазом исчезла в морщинках, когда она улыбнулась – достаточно доброжелательно, чтобы в комнате потеплело. Она одарила меня комплиментом. Язвительным, но искренним.

– Слушайте, у меня что-то из головы вылетело, – сказала Эми, крутя в пальцах прядь своих светлых волос, длиною до плеч. – У нас отбор чирлидеров сегодня или завтра?

– Сегодня. – Саша разгибала пальцы по одному, хрустя костяшками. – Поверить не могу, что Эмили и Элли переехали в Висконсин. Что вообще, блин, хорошего в Висконсине?

– Картошка? – Мария отправила в рот кусочек маффина и смахнула крошку со своего кружевного платья барвинкового цвета.

– Картошка в Айдахо, дурочка. – Эми посмотрела на Марию, нацелив на нее свой острый нос. – А в Висконсине сыр или что-то вроде того.

Робби посмотрел на них, закатив глаза.

– Кто-то из вас занимается чирлидингом? – спросил он нас.

Прия машинально покачала головой, но я произнесла вслух:

– Прия занимается.

Ее глаза расширились, на шее выступили вены.

– Ну, хочет заниматься. Она много лет занималась гимнастикой. – Я ободряюще кивнула ей, но она, похоже, хотела только провалиться сквозь землю.

– Эй, так и Саша тоже, – сказала Эми, проявив к нам внезапный интерес. – Это преимущество.

– Но Саша отобралась на олимпиаду, когда ей было всего двенадцать, – вставила Мария, потряхнув своими черными кудряшками. Она всегда играла главные роли в наших школьных мюзиклах и однажды даже дошла до финального раунда в каком-то реалити-шоу о пении.

– Так, прекратите, – смущенно ответила Саша, и ее улыбка тут же исчезла. – По-настоящему пройти отбор можно только в шестнадцать; я просто набрала столько же очков, сколько нужно было, чтобы отобраться.

– Ух ты! – восхитилась я. – А теперь собираешься участвовать?

Поерзав на стуле, Саша ответила сквозь зубы:

– Нет.

– Почему нет? Вроде бы это такая чудесная возможность...

– Не могу, – прошептала она. – Я попала в аварию и сломала ногу. Пришлось делать операцию. – Она нахмурилась, вспомнив об этом, и ее лоб рассекли морщины. Как будто внезапно оказалось, что у девочки, которой доступно все, на самом деле нет ничего. Превращение было совершенно внезапным. Я не знала об этой аварии. Когда начались занятия в старшей школе, мне казалось, что Саша на вершине мира.

– Теперь все в порядке. – Она отмахнулась от моего обеспокоенного взгляда. – Но мне понадобилось некоторое время, чтобы восстановиться. Я снова могу делать всякие трюки, прыжки и тому подобное, но... все-таки уже не так, как раньше.

– И все же... Мне очень жаль.

Зейн внезапно швырнул свой телефон на стол.

– Хорошие новости. Мои предки уедут из города на эти выходные. – Он показал на себя обеими руками. – Повеселимся у меня в эту пятницу.

– Отлично. – Они с Робби стукнулись кулаками.

Саша явно воспряла духом, ее глаза снова заблестели.

– У тебя есть выпивка? Я подумала, после прошлого раза твои родители заперли свои запасы.

– Ага, заперли. Нужно будет добыть где-то еще.

Я прокашлялась, обрадовавшись, что у меня снова появилась возможность влезть в разговор.

– Если не выйдет, всегда можете устроить ночь настолок или еще что-нибудь в том же духе. Знаете, как это прикольно? – Я уже собиралась назвать «Яблоки к яблокам», свою люби-

мую настольную игру, но решила, что есть вариант получше. – «Карты против человечества». Могу одолжить вам колоду.

– Когда последний раз мы проводили ночь настолок? – спросила Саша. – Сколько нам там было, двенадцать?

Она смеется надо мной или предается ностальгии?

– Мне нравятся «Карты против человечества», – Робби улыбнулся мне, у него на щеках появились ямочки. – Так что я «за». – Его улыбка была ужасно заразительной, и я поняла, что улыбаюсь в ответ.

Зейн стукнул Робби кулаком в плечо.

– Отстой!

– Да ладно тебе, – отмахнулся Робби. – Лучше, чем сидеть и пялиться друг на друга. – Зейн пожал плечами и снова сосредоточился на своем телефоне. Робби пододвинул свой стул поближе ко мне и ткнул пальцем между мной и Прией. – Вам обоим стоит прийти. Сами принесете эту колоду.

О. Боже. Мой. Робби Нельсон только что пригласил нас на вечеринку. Мое сердце пропустило ударов двадцать. Наверное, я чуть не умерла.

– Конечно! Мы свободны, – сумела выговорить я.

– Отлично.

– Думаю, нам не следует слишком сильно напиваться. – Саша показала на Эми и Марию. – Не забывайте, в субботу мама повезет нас смотреть «Призрака оперы».

– На Бродвее? – спросила я. – Обожаю этот мюзикл. Он такой печальный.

– Ее сестра бросила университет, чтобы стать балериной, – пояснила Эми, показывая на Сашу, и теперь она дублерша примы...

– Может, *не будем* говорить о моей идеальной сестре прямо сейчас? – Саша закатила глаза. – Хватит с нас того, что нам предстоит пресмыкаться перед ней все выходные.

– По крайней мере, нам разрешат пройти за кулисы, – сказала Мария.

Саша кивнула.

– Верно. Парень, который играет Призрака, такой классный. – Промотав несколько фотографий в телефоне, она наклонилась вперед и показала мне изображение темного, задумчивого Призрака.

– О боже, я так вам завидую, – произнесла я. – О, и кстати... раз уж зашла речь о мюзиклах... – Мое сердце бешено колотилось, но момент и правда был подходящий. – У меня есть для вас вопрос. Насчет школьной постановки. Ну, той, которая весной. Я подумала, может, вам поставить пьесу с оригинальной музыкой?

– С чего бы? – спросила Мария, словно защищаясь. Ей всегда достаются главные роли, так что она, наверное, возненавидит эту идею. Но убедить мне нужно не ее, а Сашу. Она режиссер, именно она будет помогать мистеру Норрису, руководителю школьного театрального клуба, выбирать пьесу.

Я с трудом сглотнула.

– Я была бы очень рада написать саундтрек для весенней постановки. Полностью оригинальный.

– Ух, серьезно? – спросила Саша. – Но для этого придется столько работать...

– Пожалуйста, выслушайте меня. – Я облизала губы. Наверняка Саше непременно нужно собрать хорошее портфолио, чтобы попасть в один из вузов Лиги Плюща. Так что я знала, с какой стороны зайти. – Если ты поставишь пьесу с оригинальной музыкой, которую исполнит живой оркестр, твое резюме станет более впечатляющим, чем если бы там значилась постановка какого-то бродвейского мюзикла.

– Возможно, – хмыкнула Саша. – Но ведь будет столько проблем с организацией...

– Саша, успокойся, – сказал Робби. – Дай ей закончить.

Он ободряюще улыбнулся мне. Странно ли то, что мне хочется броситься ему на колени? Наверное.

Но я преследовала конкретную цель. Я глубоко вдохнула и сосредоточилась на Саше.

– Я сама напишу всю музыку, основываясь на твоих ремарках, и организую оркестр. Мистер Торренте уже согласился.

– Ты считаешь, что сможешь написать целый мюзикл? – Мария наморщила лоб, скрестив руки на груди. – Типа, сама?

– Не мюзикл. Это будет пьеса с оркестровым саундтреком.

– Черта с два, – возразила Мария.

Но Саша сидела молча, скрестив руки, глядя куда-то между мной и Марией.

– Нам даже не нужно придумывать что-то полностью оригинальное, – продолжала я. – Можем взять «Трамвай „Желание“» или «Ромео и Джульетту» и положить на новую музыку.

– Даже не думай, – сказала Мария.

– Это отличная идея. Великолепная, правда. – Саша покачала головой. – Просто понадобится слишком много усилий.

Я разочарованно выдохнула.

– Но ты режиссер. Разве ты не хочешь создать что-то уникальное?

– Мне жаль, – ответила Саша. В ее голосе послышалась неуверенность. – Но у нас не получится. – Она посмотрела на Марию, которая с облегчением откинулась на стуле.

– Но...

– Она же сказала «нет»! – воскликнула Мария.

– А что, кто-то объявил ее королевой вселенной? – Слова вырвались, прежде чем я успела их обдумать.

О боже. Что я наделала?

Мои щеки покраснели, а Саша нахмурилась, наклонила голову и, прищурившись, посмотрела на меня. Мария удивленно открыла рот. Прия выглядела так, будто у нее вот-вот случится припадок. Но Робби, кажется, впечатлился, а Эми явно с трудом сдерживала смех. Даже Зейн наконец оторвался от телефона.

Через секунду – которая казалась вечностью, нарушая все законы физики, – Саша запрокинула голову и расхохоталась. Остальные последовали ее примеру.

– О боже! Видела бы ты свое лицо! – наконец выговорила Саша, вытирая глаза мизинцами – осторожно, чтобы не размазать тушь.

Я выдавила нервный смешок, сжав на коленях дрожащие пальцы. Саша облокотилась о спинку стула, уперев язык в щеку, и оценивающе посмотрела на меня. Может, ее впечатлило, что я возразила ей, в то время как остальные только подлизывались.

Когда все притихли, Робби сказал:

– Ну же, Саша. Думаю, это хорошая идея. Все равно никто не хочет ставить «Пока, пташка!».

– Это правда, – согласилась Эми. – Эта пьеса – полный отстой.

Саша подняла брови.

– Ты же утверждала, что тебе нравится «Пока, пташка!»?

Эми немного отодвинулась назад на своем стуле.

– Ну... я вроде как соврала. Извини.

– Ладно, – произнесла Саша. – Мне действительно нравится «Ромео и Джульетта». Такая мрачная и романтическая история. Так что я за этот вариант.

Ух. Может, и правда все получится? Робби заговорщически мне подмигнул, и надежда расцвела в моем сердце.

– Ага, думаю, будет весело, – сказала Мария, которую все это явно не убедило. Мне стало неловко из-за того, что лишаю ее возможности спеть. Зато она сможет сыграть великолепную Джульетту.

– Можно я буду Ромео? – спросил Зейн.

Робби фыркнул.

– Приятель, ты ж даже не в театральном клубе.

Прозвенел предупредительный звонок. Саша встала и повесила на плечо свою большую прямоугольную сумку.

– Ладно, ладно. Давайте все обсудим. Но нам нужно убедить остальных участников театрального клуба... ведь все любят Бродвей. – Она щелкнула пальцами. – Но у меня есть идея.

– Какая? – сердце чуть не выпрыгнуло у меня из горла.

– Я приглашу их в пятницу на вечеринку к Зейну. Будет круто, если ты сможешь принести немного выпивки. Ну, знаешь, чтобы они расслабились. Уверена, они тебя хотя бы выслушают.

Мои внутренности словно сжались в тугий узел.

– Выпивку? Вы хотите, чтобы я принесла алкоголь на вечеринку? – Понятия не имею, где вообще берут алкоголь.

– Если принесешь текилу, вообще отлично.

– Или водку, – ухмыльнулся Зейн. – Без марки тоже сойдет, мы не особо разборчивы.

Мы с Прией встревоженно переглянулись.

– Но... у меня нет поддельного удостоверения или чего-то вроде этого. – Я встала и побрела за ними. – Где мне вообще взять выпивку?

Саша демонстративно пожала плечами:

– Никто не запрещает тебе прийти с пустыми руками. Но если ты хочешь впечатлить ребят, тебе придется что-нибудь придумать.

Осталось 59 минут

Я пристально смотрела на шприц с ядом и бомбу, лежавшие на сверкающей тарелке, и мое сердце бешено колотилось. «В течение часа вам следует решить, кто из присутствующих умрет. Если вы не примете решение, умрут все».

– Это какой-то идиотский розыгрыш, – сказал Робби. – Кому вообще придет в голову такое проделывать? – Он выхватил у меня записку, его взгляд заметался по странице. Диего перегнулся через край стола, чтобы разглядеть бомбу.

– Подождите-подождите-подождите. – Саша схватила за горло. – Это значит... если мы не убьем кого-то из нас, бомба взорвется через час?

Скотт разразился смехом.

– Что тут, блин, такого смешного?

Он откинулся на стуле.

– Это явно шутка, а вы на нее повелись, как последние идиоты.

– По-моему, не очень смешно, – пробормотал Робби.

– Кому подобное может прийти в голову? – выкрикнула Прия. – Кто вообще способен придумать что-то настолько ужасное?

– Кто-нибудь заметил, кто закрыл дверь? – спросила я. Прия и Скотт покачали головами.

– Нет. – Диего расслабленно откинулся назад. – Я никого не видел.

– И я тоже, – сказала Саша. – Я была слишком занята, разговаривая с этим уродом. – Она кивнула в сторону Скотта, и тот усмехнулся.

– Наверное, кто-то стоял за дверью и закрыл ее, – предположил Диего.

Прия заметно вздрогнула.

– Значит ли это, что кто-то прятался там все это время?

– И что он все еще там? – мой голос слегка дрожал.

Робби положил записку на стол и отодвинул свой стул назад с таким скрежетом, что я подпрыгнула от неожиданности.

– Чушь какая-то. – Он обошел вокруг стула и постучал по двери.

– Эй! Откройте! – Никто не ответил, и он стиснул зубы. – Это не смешно! Откройте немедленно!

– О боже, – сказала Прия. Саша дышала медленно и глубоко, пытаясь сохранить спокойствие, но ее взгляд лихорадочно метался по комнате.

– Робби. – Я бросилась к нему и схватила его за руку. – Это просто чей-то двинутый розыгрыш. Уверена, им станет скучно и они нас выпустят.

Рывком высвободив руку, он опустил на колени и заглянул одним глазом в большую замочную скважину под дверной ручкой.

– Ключа нет.

– Я не слышала щелчка замка или чего-то подобного, – добавила Саша.

– Все произошло так быстро. – Я коснулась дубовой двери – дерево под моей ладонью было холодным – и повернулась к остальным. – Думаешь, тот, кто закрыл нас, все еще там?

Робби пожал плечами:

– Откуда мне знать?

– Эй? – окликнула я. – Есть там кто?

– Бред какой-то. – Робби пнул дверь. – Что за психопат станет...

– Тсс. – Отмахнувшись от него, я прижалась ухом к двери. Но было слышно только как Прия снова и снова повторяет: «Господи, господи».

– Прия, умолкни, – сказала я. Она плотно закрыла рот. Ее глаза блестели.

Я снова прижалась ухом к двери, изо всех сил стараясь что-нибудь расслышать. Голос. Шаги. Чье-то дыхание. Что угодно. Но я слышала лишь приглушенные мужские голоса и звуки струнных инструментов – в главном зале играла симфоническая музыка.

– Ничего? – спросил Диего.

Я покачала головой и, опустившись на колени, заглянула в замочную скважину. Чувствуя, как бешено колотится сердце, я задержала дыхание. Многолетний опыт просмотра ужастиков подсказывал мне, что сейчас на другой стороне появится чей-то глаз. Все тело напряглось, готовое отшатнуться.

Но я увидела лишь пустые столики и диванчики с красными подушками. Никакого движения.

– Там никого нет. – Я встала и повернулась к остальным. – Я ничего не вижу.

– Проклятье, здесь так жарко. – Саша приложила ко лбу тыльную сторону ладони.

– И правда. – Я провела рукой по верхней губе и осмотрела стены. – Фигово. Термостат, наверное, в главном зале.

– С тех пор, как мы вошли сюда, стало жарче. – Прия дернула себя за волосы. – Я просто хочу домой.

Охнув, я прикусила губу. *Домой.* Я забыла написать маме, когда мы с Робби доехали сюда.

– О нет. – Я схватила телефон со стола и подняла его к потолку, но сети все равно не было. Саша попыталась проделать то же самое, потянувшись к окну, выходящему на улицу.

– Ничего, – подтвердила она. – Никакого эффекта.

– Дерьмо, дерьмо, дерьмо. – Мое сердце словно сдавили тиски. А что, если сегодня здесь произойдет что-то ужасное? Что я сказала своей маме, выбегая из дверей? Сказала ли я ей, что люблю ее? Когда я в последний раз говорила родителям, что люблю их? Хотя в зале было жарко, по моей спине пробежал холодок. Я попыталась отогнать мрачные мысли. Это просто розыгрыш. Это не по-настоящему.

– О боже. – Саша сгорбилась, обхватив себя руками. – Это не может быть на самом деле.

– Так что нам делать? – спросил Робби.

Саша распрямилась и потерла лоб дрожащими пальцами.

– Поверить не могу, что все это и правда происходит. Что, если нам придется это сделать? Что, если они действительно заставят нас кого-то убить?

1 год и 1 месяц назад

Одиннадцатый класс, январь

– Прия, ты меня убиваешь. – Облокотившись на клавиатуру, я разразилась смехом, глядя, как Прия пытается подобрать с пола пятьдесят две игральные карты, разлетевшиеся по всей комнате.

– Извини, извини! – Она бросилась на мою кровать и, чуть не сбив штатив, потянулась за картой, которая завалилась между стеной и матрасом.

Стянув наушники, я выключила запись.

– Боже, ты такая неуклюжая, – я согласилась помочь ей заснять ее новый фокус, который она якобы репетировала всю последнюю неделю, и написать музыку для видео. Мы уже сделали несколько видео для недавно ею созданного ютьюб-канала, но она впервые выполняла этот сложный трюк с картами.

– Клянусь, в следующий раз я их поймаю.

– Ты уже десятый раз обещаешь, – поддразнила ее я, украдкой взглянув на телефон. Девять тридцать. Вечеринка у Зейна началась полчаса назад, но мы не могли явиться туда, пока я не раздобуду алкоголя. А для этого нужно дожидаться, когда мои родители лягут спать.

Я собиралась утащить у них пару бутылок, поскольку они не прикасались к выпивке уже несколько лет. Раньше они каждый вечер вместе пропускали стаканчик, но однажды, вскоре после того, как не стало Мэгги, папа так напился, что нам с мамой показалось, будто *он* умер. Он вырубился, растянувшись на полу в гостиной, и мама кричала, чтобы я вызвала службу спасения, потому что он не просыпался. После того, как ему промыли желудок, он поклялся никогда не пить, чтобы больше не пугать нас так.

– Думаешь, они скоро лягут? – спросила Прия, заметив напряженное выражение моего лица.

Заходя на кухню за водой в три утра, я не раз обнаруживала, что мама сидит за столом с ноутбуком и редактирует какой-то текст для своей очередной подработки, но по пятницам такого обычно не случалось.

– Да, они к девяти укладываются посмотреть «Нетфликс». Думаю, ждать недолго.

Прия поправила камеру на штативе.

– Думаешь, у нас хватит времени еще на одну попытку?

– Может, потренируешь этот элемент с водопадом еще пару раз?

Конечно, если заставить карты водопадом перелететь из одной руки в другую, трюк покажется более впечатляющим, но пока что карты оказывались где угодно – в разных уголках комнаты, – только не в руках Прии.

– Прости! Клянусь, я проделывала его уже миллион раз. Но когда кто-то смотрит, у меня все из рук валится. – Она взяла колоду в руку. – Готова? Готова? Я справлюсь.

Задержав дыхание, я наблюдала, как она сжала края колоды, и та изогнулась в полумесяц. Она выпустила колоду, карты полетели в ее вытянутую руку, ударились о ладонь и разлетелись во все стороны. Она смущенно посмотрела на меня. Я сжала губы, пытаясь сдержать смех. Но это было бесполезно – замолчав на секунду, мы обе безудержно расхохотались.

– Мне показалось, ты собираешься их поймать, – сказала я, пытаясь отдышаться.

– Разумеется.

– У тебя точно голова не кружится?

– Точно. – Она вытянула руки, чтобы убедиться, что они не дрожат. – Я съела батончик гранолы полчаса назад. – Прие не повезло – у нее была недиабетическая гипогликемия. Она

постоянно жевала орехи или гранолу, иначе у нее кружилась голова и дрожали руки. По ее словам, это превращало ее в «вечно злоую от голода растяпу».

Она потеряла глаза.

– Может, ты просто напишешь музыку, а я под нее спланирую трюк?

– Что ж, я уже почти закончила, но мне нужно увидеть твой трюк до конца. Вот что у меня пока получается.

Я отключила наушники от синтезатора, чтобы ей тоже было слышно.

– Музыка будет легкой – воздушной и возвышенной. – Прия кивнула. Мои пальцы танцевали по клавиатуре. – В общем, мы хотим подчеркнуть ключевые моменты, но не отвлекать внимание зрителя. В финале крещендо оборвется в тишину, но я не могу точно выбрать момент, пока мы не запишем весь трюк целиком.

– Ах, это великолепно. – Она вытерла лицо рукой. – Я могу попробовать без водопада.

– Нет-нет-нет. – Я скрестила руки на груди. – Вокруг этого водопада все и строится. Я же видела, как ты раз пятнадцать попробовала. Нельзя сдаваться сейчас...

Мама постучала по открытой двери моей комнаты.

– Привет, девочки. Вам что-то нужно, а то мы с папой собираемся лечь?

О боже. Уже почти пора. Я закатила глаза, пытаюсь скрыть волнение.

– К счастью, природа наделила меня талантом самостоятельно готовить попкорн в микроволновке.

Мама фыркнула.

– Ох, какая же ты у нас умная.

У нее под глазами залегли темные круги – наверняка она просидела над редактурой весь вечер. Мне всегда казалось, что она сбегает в слова, как я сбегая в музыку, но однажды я услышала ее ссору с папой из-за того, что им приходится слишком часто тратить деньги, отложенные на пенсию, и поняла: она берет много заказов, чтобы скомпенсировать падение доходов. В прошлом году я сообщила о своем желании работать, чтобы помочь им, но мама настояла, чтобы я сосредоточилась на учебе и занятиях музыкой.

– Эй, разве вы обе не собирались сегодня на вечеринку?

Мы с Прией переглянулись.

– Ага, – сказала я. – Но сначала мы хотим разобраться с этим проектом.

– Ясно. Хорошо, только не забудь написать мне, когда доберетесь до места.

С тех пор, как умерла Мэгги, мама нуждалась в постоянных напоминаниях о том, что я еще жива, и в течение дня она то и дело звонила узнать, как у меня дела. – И если ты захочешь, чтобы я заехала и забрала вас, позвони мне, даже если будет поздно.

– Знаю, знаю. Спокойной ночи, мама.

– Спокойной ночи, дорогая. Удачи вам с этим вашим... – она посмотрела на камеру на штативе и разбросанные по комнате карты. – С тем, чем вы тут занимаетесь.

Когда она исчезла, Прия прошептала:

– Сколько нам нужно выждать?

– Может, минут пять? – мое сердце изо всех сил пыталось выскочить через горло. – Она уже помылась.

– Пяти минут хватит?

Я взглянула на телефон.

– А дольше ждать нельзя. Не знаю, сколько продлится вечеринка у Зейна. – У меня внутри всё задрожало. Дело было не только в том, что мне предстояло выступить перед всем театральным клубом, – я никогда раньше не была на настоящей вечеринке старшеклассников, не говоря уже о такой, где собираются самые популярные ученики. Меня пронизывала смесь волнения и восторга.

Надев куртку, я перекинула сумку через плечо.

– Так, сначала я заберу ключ из папиного стола. Потом проберусь в гостиную и стащу бутылку. А ты сторожи у лестницы и начинай кашлять, если родители откроют дверь. Потом мы выйдем через заднюю дверь.

– Ясно.

– А, подожди. – Я схватила со стола свою новую колоду «Карт против человечества» на случай, если Робби не шутил насчет своего желания поиграть. У меня сжался желудок... и не только от волнения. – Вот теперь я готова.

Мы прокрались наверх, и я махнула Прие рукой, чтобы она встала у лестницы, а сама пробралась в папин кабинет. В темноте я медленно подошла к его столу, вытянув руки. Пульс грохотом отдавался в ушах.

Осторожно, чтобы не издать ни малейшего звука, я выдвинула ящик стола. Внезапно что-то с глухим стуком шлепнулось о пол слева от меня. Вскрикнув, я отпрыгнула назад. На меня уставились два сверкающих глаза.

– Варезка, – прошептала я. Кот спрыгнул с книжной полки. – Глупый котик. – Я погладила его по голове, и он с урчанием принялся крутиться вокруг моих ног.

Подсвечивая себе телефоном, я быстро спрятала в карман нужный ключ и прокралась в гостиную, по пути кивнув Прие. Широко открыв глаза, она кивнула в ответ. Из спальни родителей, расположенной на первом этаже, доносились приглушенные голоса. Я прокралась в гостиную, слабо освещенную светом уличных фонарей, проникавших сквозь шторы, и отперла шкафчик со спиртным.

Когда я открыла дверцу, петли закрипели так сильно, словно ими целую вечность никто не пользовался. В ту же секунду Прия зашлась в приступе кашля, подавая мне предупреждающий знак. Я застыла. О боже. Родители услышали шум? «Вот я и попалась», – подумала я. Снизу донесся папин голос:

– Все в порядке?

Как я это объясню? От страха у меня закололо пальцы.

– Ага, в полном порядке! – откликнулась Прия, каким-то образом ухитрившись сохранить совершенно ровный голос. – Просто слюной подавилась. – Она еще раз демонстративно кашлянула. – Вот за водой пошла.

– Хорошо, понятно. Ночи, детишки. – На лестнице стало светлее, когда папа щелкнул выключателем в ванной, а затем снова потемнело, когда он закрыл дверь.

Прия заглянула в гостиную.

– Быстрее! – прошептала она.

Я схватила первую попавшуюся бутылку, до которой дотянулась, и кинула ее в сумку – театральному клубу придется довольствоваться тем, что есть, – заперла шкафчик и вернула ключ в ящик стола. Мы с Прией вышли из дома через кухню и направились к нашим велосипедам.

Зейн жил всего в нескольких кварталах от нас, в обычном трехэтажном доме в колониальном стиле, с идеально подстриженными кустами, украшавшими газон, и старым ржавым баскетбольным кольцом в конце подъездной дороги. Сквозь переднюю дверь пробивался грохочущий рэп. Я написала маме сообщение, известив ее, что наши велосипеды по дороге никого не убили, а Прия позвонила в дверь.

– Кого я вижу. – Саша открыла дверь, и ее улыбка мгновенно меня успокоила. – Я и не ждала уже, что вы доберетесь.

Я заглянула ей за спину и увидела пустую прихожую.

– А где все? – спросила Прия. Словно в ответ, откуда-то из коридора донесся смех.

– Внизу.

– Ах. – Переступив с ноги на ногу, я сглотнула, не зная, что делать дальше. Я сунула руку в сумку, собираясь вытащить бутылку, но Саша тут же наклонилась вперед и схватила меня за запястье.

– Не здесь! Хочешь, чтобы соседи увидели? – Хихикнув, она втащила нас внутрь, жестом пригласив Прию следовать за нами. – Ты как раз вовремя: у нас пиво кончилось. Так вот, слушай... никто из театрального клуба сегодня не смог прийти. Ну, кроме Марии.

У меня внутри все упало.

– Серьезно? – Я что, впустую украла выпивку у родителей?

– Ага... но ничего страшного – нам нужно сначала обсудить стратегию. И, наверное, мне стоит послушать твою музыку.

– Хорошо, конечно. У меня много треков, можешь послушать их. – Я вытащила телефон и промотала треки в библиотеке.

– Отлично. Перешли мне что-нибудь на почту, и я потом послушаю, ладно? А сегодня давай просто повеселимся. – Она вскинула руки над головой. – Ну что, дамы, готовы к веселью?

Я улыбнулась, стараясь скрыть удивление.

– Конечно! – Я поверить не могла, что Саша все равно хотела провести с нами время, несмотря на то что никто из театрального клуба не пришел. Может, она не такая уж гадина, в конце концов. Я исходила из предположения, что все эти слухи о ней – правда, но, может, мне стоило дать ей шанс и хотя бы усомниться в их истинности. Взяв меня за руку, она повела нас вниз по лестнице. Там разместилась пара дюжин подростков. Они сидели небольшими группами, развалившись на полу. В руках у них были красные стаканчики или пивные банки.

Робби, Зейн и пара девушек из команды чирлидеров сидели кружком, скрестив ноги. Робби угрюмо глядел в свой телефон, нахмутив густые брови. Но когда он поднял взгляд и заметил меня, его лицо тут же озарила улыбка.

– Привеесет! – крикнул он. – У тебя получилось! Игру принесла?

У меня внутри все словно размякло.

– Конечно! – Он вскинул кулак.

– Привет, Зейн, ты тоже играешь, верно? – спросила я, взяв Прию под руку, чтобы она не чувствовала себя лишней. Я хотела позаботиться о том, чтобы она хорошо провела время. – Будет весело, обещаю!

Робби хлопнул Зейна по плечу.

– Давай, приятель.

– Ладно, ладно, – ответил Зейн.

Они встали, и Саша протянула нам с Прией два красных пластиковых стаканчика.

– Довольно странные стопки, но что есть, то есть.

Прия покачала головой и сложила руки за спиной. Если ее мама узнает, что она хоть раз выпивала, то переведет ее на домашнее обучение. Я прикусила губу.

– Ох... нет, спасибо.

– Ой, да ладно вам. – Она пихнула стаканчик мне в руку. – Если вы хотите веселиться с нами, так *веселитесь по-настоящему*.

Эми и Мария издали восторженный возглас, и у меня в груди что-то дрогнуло.

Мы с Прией иногда оставались ночевать у подруг, например у Бекки Уоллес, но наши дурацкие детские «вечеринки» подразумевали, по большей части, игру в «правду или действие» (обычно мы выбирали правду, потому что трусили), и караоке с розовым микрофоном Бекки. А теперь мы оказались на *настоящей* вечеринке. Я и не представляла, что чирлидеры и спортсмены могут настолько дружелюбно отнестись к парочке ботаников.

Саша с заговорщическим видом наклонилась ко мне, положила руку мне на плечо и заглянула в мою сумку.

– Ну, так что вы принесли?

Вытащив бутылку из сумки, я протянула ее ей.

– Вот, смотри.

– О, «Jack Daniel's»! – Саша изучила этикетку. – Неплохо. Моим родителям нравится. У нас в кладовке полно этого добра.

– Ух, круто. Ты тоже что-то принесла?

На ее губах появилась хитрая улыбка.

– Разве я стану рисковать, чтобы меня поймали?

Осталось 57 минут

– Давайте без паники, ладно? – сказала я Саше. – Никто не заставит нас убивать друг друга. Это какой-то розыгрыш.

– Откуда тебе *знать*? – возразила она дрожащим голосом. – Но я точно не хочу в этом участвовать. Пусть это буду не я. Я не хочу умирать!

– Господи боже! – внезапно во всю глотку заорал Скотт. От неожиданности все подпрыгнули. Он встал и подошел к Саше. – Можно... можно взять у тебя автограф? – умоляюще произнес он, широко раскрыв глаза и прижав руку к груди.

Саша, нахмурившись, посмотрела на него.

– Что ты несешь?

– Ну просто... я никогда не думал, что встречу человека, вокруг которого вертится весь мир.

Она скорчила кислую мину.

– О, ради бога, – пробормотала она, приглаживая волосы дрожащими пальцами.

– Может, ты перестанешь дурачиться, а? – Робби оттолкнул Скотта от Саши.

– Ага, – поддержала Саша. – Ты же не знаешь точно, шутка это или нет.

Скотт стер со своего лица выражение восхищенного преклонения.

– А ты не знаешь, на самом деле это или нет.

Я положила руку Саше на плечо, пытаюсь поддержать девушку.

– Не говори глупостей. Это какой-то тупой розыгрыш. Мы не станем никого убивать. Так что давайте просто успокоимся и найдем выход отсюда.

Я огляделась по сторонам. Кроме двери и двух окон, никаких путей наружу вроде бы не было.

– Вы же читали записку. – Саша отпихнула Скотта в сторону и схватила бумажку со стола. – «В течение часа вам следует решить, кто из присутствующих умрет. Если вы не примете решение, умрут все». Разве бывают такие розыгрыши? Нам нужно кого-то выбрать.

Взгляд ее широко распахнутых глаз лихорадочно метался по комнате.

На меня накатила волна тошноты. Саша искренне верила, что все по-настоящему. Но я никогда не смогу никого убить. Я уже видела смерть. Меня пробрала дрожь от мыслей о моменте, когда душа покидает тело. О мгновении, когда от человека остается лишь пустая оболочка, разлагающийся остов. Это просто какой-то безумный розыгрыш. И у нас есть час – ну, то есть пятьдесят пять минут, – чтобы во всем разобраться. Но паниковать – это худшее, что мы можем делать. Паника ничем не поможет.

– Слушайте, – сказала я, – даже если это не шутка, кто-то, наверное, проверяет нас, как мы будем реагировать.

Диего встретился со мной взглядом.

– Хочешь сказать... думаешь, от этого зависит, получим ли мы стипендию?

– Именно.

– Отличный приз. – Сняв свою шапочку, Скотт швырнул ее на стол и взъерошил волосы. – Может, на следующий год они закроют победителей на кладбище и убедят их, что за ними охотятся зомби. – Он сдавленно хихикнул. – По крайней мере, тогда получится что-то повеселее.

– Нет, конечно, дело не в борьбе за приз. – Диего оперся локтями о стол, сложив пальцы в подобие купола. – Может, они устроили все это, чтобы посмотреть, кто обладает явными лидерскими качествами. Кто сможет найти безопасный выход, не концентрируясь только на непосредственной угрозе.

– Ну, не знаю. – Робби потер подбородок. – По-моему, это слишком надуманно.

– Разве? – я приподняла брови. – Вам не кажется, что надуманнее будет считать, что яд и бомба настоящие? Может, это что-то вроде квеста, в котором нужно найти выход из запертой комнаты.

– Именно! – сказал Диего.

– О чем вы? – спросила Прия.

– Обожаю такие игры. – Диего тут же вытащил телефон и принялся искать нужное приложение. – У меня тут есть несколько. Ты заперт в комнате, и тебе нужно искать подсказки, чтобы открыть дверь, лифт или что-то еще в том же духе. Обычно, чтобы выбраться, нужно решить несколько головоломок.

Мы все осмотрелись по сторонам.

– Так что, нам начинать поиск подсказок? – предложила я.

– А что, если их нет? – спросила Саша. В ее голосе слышались панические нотки. – Что, если какой-то психопат запер нас здесь, чтобы издеваться над нами – как, собственно, и сказано в письме?

– О боже, – прошептала Прия, крепко зажмурившись.

Я тряхнула головой.

– Быть не может. Наверное, это какая-то проверка или игра, как в тех приложениях.

– Согласен, – поддержал Диего.

– Ага, ладно, убедили. – Робби кивнул, потирая затылок. – Думаю, нужно искать подсказки.

– Хорошо. – Саша встала одновременно с остальными и глубоко вдохнула. – Начнем.

Я осмотрела край дверного косяка, пытаюсь заметить что-нибудь, похожее на секретную панель или другую подсказку. Буфеты, расположенные по обе стороны от камина, были заполнены бокалами, декоративными безделушками и фигурками. Все их содержимое можно было тем или иным образом интерпретировать как подсказку.

Прия медленно повернулась вокруг своей оси.

– А какие подсказки обычно встречаются в таких приложениях?

– Ну, это может быть что угодно. – Диего почесал голову. – Ключ спрятан за каминной решеткой. На картине есть числа, которые помогают открыть кодовый замок. И это уже не только приложения – сейчас делают и настоящие комнаты, где можно в подобное поиграть. Люди платят по сорок баксов, чтобы их заперли в комнате, из которой нужно выбраться, – с ума сойти.

– Люди платят по пятнадцать баксов за губку, – подколола его я. – Люди вообще туповаты.

Диего наклонил голову, словно пытаюсь понять, к чему я веду с этими насмешками.

В конце концов, мой папа потерял работу из-за этих дурацких губок, которые изобрел Диего.

Наконец, он улыбнулся уголком рта.

– Тушэ.

Он опустился на колени, провел пальцами по персидскому ковру.

– Подсказка может быть за картиной или под ковром.

Он отогнул уголок ковра, но под ним не было ничего, кроме блестящих досок.

Я обшарила все вокруг своего стула. Робби опустился на колени у двери и заглянул в замочную скважину.

– Что-нибудь видно? – спросил Диего.

Робби покачал головой:

– Не, приятель. Ничего.

Прия метнулась к вешалке и принялась рыться в карманах своей куртки.

– Может, в одном из этих буфетов найдется что-то полезное?

Я внимательно осмотрела один из них. По большей части полки были заставлены бокалами и изысканной посудой. На верхней полке выстроились в ряд маленькие фарфоровые фигурки, но в их расположении не просматривалось никакой закономерности.

Скотт взял в руки вазу с благовониями, стоявшую на комод, и принялся к бамбуковым палочкам. Потом пожал плечами и поставил ее на место.

– Эй, может... – он показал на бамбуковые палочки, а потом почесал голову. – Ага, да, именно в них дело. Может, имеет значение, сколько тут палочек, сколько тарелок, сколько стульев... Может, это комбинация, чтобы открыть замок.

Саша всплеснула руками.

– А ты тут видишь какой-нибудь кодовый замок?

– А, погоди, я ошибся. – Скотт постучал пальцем по подбородку. – Не сколько стульев, а сколько в этой комнате козлов.

– Да иди ты к черту...

– Погодите, ребята, – сказала Прия срывающимся голосом, держа в руках свое приглашение. – Наши приглашения не подписаны. Подписи нет, ничего такого.

– Ну и? – спросила я.

– Они от администрации мэра, верно? – Саша вытащила из сумочки свое приглашение.

– Так вот, – сказала Прия, рассматривая приглашение, – тут написано: «Председатель стипендиального комитета при администрации города Брюстера». Но что им мешало написать внизу чье-нибудь имя? Наверное, мэр должен был бы поставить свою подпись?

Остальные озадаченно кивнули.

– К тому же, – добавил Диего, – эти стипендии вроде бы раздаются в мае?

– Обычно я не слежу за подобными датами, – сказал Робби.

– Верно, ты прав. – Саша потерла лоб. – Я подумала, что как-то рановато, но не стала придавать этому значения. – Ее голос сорвался.

Скотт рассмеялся, запрокинув голову.

– Что тут, блин, смешного? – спросил Робби.

– Над нами явно прикололись. Нет никакой стипендии.

– Нет есть, – возразил Диего. – Ее каждый год раздают.

– Ага, и тот, кто это провернул, тоже в курсе, – сказал Скотт. – И победители, которые получают *настоящую* стипендию, еще неизвестны. Это не испытание. И подсказки искать не нужно. Это просто розыгрыш, чтобы нас напугать.

– Или хитрый план, цель которого – убить нас всех. – Саша схватилась за горло.

– Ох, прекрати, – произнесла я. – Даже если все это никак не связано со стипендией, нас наверняка проверяют, испытывают или еще что-то в этом духе.

– Ну, как по мне, эта бомба выглядит вполне настоящей, – сказала Саша, показав на стол рукой, в которой держала приглашение.

– Ты когда-нибудь раньше видела настоящую бомбу? – спросил Диего.

– Хм, да.

– Кино и сериалы не в счет, – сказала я.

Саша скрестила на груди руки.

– Что ж, тогда ладно. Не видела. Но у этой штуки множество проводов... а это что такое коричневое? – Некоторые из нас подошли к столу, чтобы рассмотреть бомбу. – Вот это. – Саша показала на шесть коричневых брусков, соединенных проводами с небольшими электронными часами и несколькими батарейками.

– Это... динамит? – спросил Робби. – Не знаю, по-моему, выглядит вполне реалистично.

– Я тоже так считаю, – сказала Прия.

– Ох, да ладно вам. – Скотт перегнулся через стол и прищурился, глядя на провода, подсоединенные к брускам динамита. – Любой может найти в Интернете, как выглядит самодельная бомба, и соорудить нечто подобное.

Прия наморщила нос.

– Ты что, *сам* искал такое?

Скотт пожал плечами:

– Конечно. Я помню, что искал, как сделать бомбу из мультиварки, – после того теракта в Бостоне. Мне было любопытно, как психи проделывают это. Там полно инструкций, как сделать дома самые разные взрывные устройства.

– погоди. – Робби, прищурившись, посмотрел на Скотта. – То есть ты признаешь, что знаешь, как сделать подобную штуку?

Скотт поднял руки.

– Нет. Я только сказал, что в Интернете можно найти изображения самых разных взрывных устройств. С их помощью любой может соорудить убедительный муляж бомбы.

– Или, – возразила Саша, – с тем же успехом можно изготовить и настоящую. Как ты и сказал, инструкций там полно. – Она взглянула на лежащий на подносе шприц с отравой. – И этот яд тоже выглядит вполне убедительно.

– Может, это муляж, театральный реквизит или вроде того, – предположила я.

– Быть не может, – сказала Прия и, прижав руки к животу, наклонилась вперед, чтобы рассмотреть шприц. – Он выглядит как настоящий. Как те, что я видела в кабинете врача.

– Ну конечно, они сделают его таким, чтобы он казался настоящим, – сказала я.

– Ну... – Робби протолкнулся мимо Скотта. – Есть только один способ узнать наверняка. – Прежде чем кто-то успел его остановить, он схватил шприц со стола и надавил большим пальцем на поршень.

Год назад

Одиннадцатый класс, февраль

Наверняка меня отстранят от занятий. Чего еще ожидать, если отправляешься на зимний бал, припрятав в сумочке бутылку текилы.

Какого черта я вообще на это согласилась? Если меня засекут, родители отберут у меня ноутбук, а может, даже и телефон, а там вся моя музыка. А жить без музыки для меня все равно что дышать без кислорода.

Я припарковала свой велосипед за квартал от школы и вытащила наушники из ушей. Может, мне лучше вернуться домой? Если я буду продолжать в том же духе, родители рано или поздно заметят, что у них пропадают запасы алкоголя, пусть даже они уже много лет к ним не прикасались. Ну не могут же бутылки просто исчезать сами по себе.

Но возможность создать саундтрек для школьной постановки была так близка – мне оставалось лишь уговорить остальных участников театрального клуба. Саша пообещала, что они придут потанцевать сегодня и мы припррем их к стенке с помощью текилы. Я не вполне понимала, почему она считает, что нужно подкупать их с помощью выпивки. Но, в конце концов, это Саша была *королевой улья*, так что я решила: ей виднее, какими способами тут легче добиться своего.

Я снова воткнула наушники в уши, врубил один из своих любимых саундтреков и быстро зашагала по направлению к слабо освещенной парковке, расположенной на невысоком холме позади школы. Если я пройду через заднюю дверь, то смогу проскочить мимо охранников, сидевших в главном вестибюле.

Велосипедная стоянка была пуста. Я быстро прошагала мимо теннисных площадок и вышла к тропинке, которая огибала холм и выводила к заднему крыльцу школы. Фонарь замигал над головой, отбрасывая на лес, подступавший к стоянке, жутковатые тени. Напевая себе под нос в такт быстрым переборам струн и ритму ударных, я дрожащими пальцами расстегнула шлем и подвела велосипед к стойке.

У меня за спиной хлопнула дверца машины.

– Это сцена битвы из «Властелина колец», верно? – спросил кто-то. Я резко развернулась, вскрикнула, и шлем слетел у меня с головы. О нет. Это был Диего Мартин. Высокий и стройный, и кожа у него теплая и смуглая, словно закат на пляже. А эти его выразительные медные глаза...

Когда он подошел, я крепко сжала сумку под мышкой, так что бутылка текилы впилась мне в ребра. Я не могла допустить, чтобы он понял, что я задумала. Диего был заядлым сторонником здорового образа жизни. Если верность – их семейная черта, он выдаст меня, не задумываясь.

Или нет?

Мы с Диего ходили в разные школы, но когда-то наши отцы работали в консалтинговой компании, которую они основали вместе. Поэтому мы часто встречались на мероприятиях для клиентов и на семейных барбекю на берегу озера Брюстер. Мы часто сбегали на рыбацкий причал, чтобы укрыться от скучных взрослых разговоров и перепадов настроения Мэгги. Я сидела, свесив ноги с выщербленных мостков, доставая пальцами до гладкой поверхности воды, и слушала музыку, а Диего читал, сидя рядом, и на его лоб падали черные пряди. Воспоминания были весьма смутными, но и сейчас я отчетливо представляла, как его глаза сверкали в свете солнца и как необычно сжималось все внутри каждый раз, когда он на меня смотрел.

Думаю, можно сказать, что он – моя первая любовь. Но за последние годы мы перекинулись едва ли парой слов.

– Прости, – сказал он, когда я схватилась за грудь, почувствовав, как перехватило дыхание. Несколько вздохмаченных прядей упали ему на глаза. – Не хотел тебя напугать.

Я вынула наушники и поставила музыку на паузу.

– Все в порядке. И... нет.

– Не в порядке?

– Нет, я не про это. Эта композиция... – я шумно выдохнула. – Тот момент, когда они удирают от балрога. Ну, от того огненного демона из первой части. – Я ощутила, как в груди закипает обида, и я ничего не могла с этим сделать. Если бы не Диего с этими своими дурацкими губками, папа без проблем оплатил бы мне перелет в Калифорнию на прослушивание для поступления в университет и мне бы не пришлось бороться за право написать саундтрек для школьной пьесы.

Мы с папой смотрели шоу «Бизнесмен или банкрот» пятничными вечерами – и однажды на плоском экране нашего ТВ появились Диего и его папа. Мистер Мартин уже несколько месяцев увиливал от любой работы в папиной компании. «Ему не приходится скорбеть о погибшем ребенке, – возмущался тогда папа. – Какие у него вообще могут быть оправдания?» Теперь он внезапно получил ответ – у нас отвисли челюсти, когда он представил губку, способную менять цвет при намокании. Похоже, идея принадлежала Диего, а мистер Мартин организовал производство.

Продюсерам шоу явно понравилось, как смотрятся отец и приемный сын, – пока Диего рассказывал, как впервые увидел папу в четыре года и понял, что наконец-то обрел дом, камера показывала инвесторов, по щекам которых текли слезы.

После того, как они заключили сделку на круглую сумму, я отправила Диего кучу воющих смайлов, поздравила его и принялась упрямить рассказать детали. Но он так мне и не ответил. На следующий день его отец уволился из папиной компании, и папе не удалось найти подходящего сотрудника, который смог бы его заменить. Бизнес рухнул. А Диего больше никогда со мной не разговаривал.

«Видимо, посредственность – надежный репеллент», – подумала я тогда.

– Ах. – Он подхватил с земли мой шлем и повесил его на руль велосипеда. – Ну, в каком-то смысле оно все звучит одинаково, так ведь?

– Совсем нет. – Я обхватила себя руками, чувствуя, как меня пробирает холод. С чего он вдруг решил, что я достойна разговора с ним? Может, он решил, что молчание будет неловким? – Но в этих двух сценах есть общие мотивы.

Он перестал разглядывать мой велосипед, его пронзительные медные глаза встретились с моими, и тут нас осветили фары. Наверное, на главной стоянке кончилось место.

– В смысле, мотивы? – Под фланелевой рубашкой виднелась черная футболка с надписью «Выражения Вейдера» и девятью одинаковыми портретами Дарта Вейдера под ней. Всё в нем выдавало образцового ботаника.

– Темы. – Мои ответы невольно получались лаконичными, пронизанными горечью. После того, как Диего дал мне понять, что я больше не заслуживаю внимания, я стала избегать его в школе, держалась от него подальше в коридорах и отсаживалась на другую сторону кабинета, если мы оказывались на одном уроке.

Размолвки с друзьями всегда были для меня как нож в сердце, а из-за того, что между нами пробежала искра, рана, которую Диего нанес мне, казалась еще глубже. К тому же я потеряла Диего, а папа потерял *все*. Теперь ему приходилось несладко – он стал фрилансером и с трудом находил заказы, а в свободное время подрабатывал курьером, доставляя еду, чтобы хватило на оплату счетов. Мне было тяжело видеть его в таком жалком положении. И все из-за какой-то дурацкой губки.

– Я знаю, что такое мотив. – Диего достал из рюкзака дорогую на вид камеру и перекинул через голову ремень. Он работал фотографом в школьной газете и, наверное, должен был делать репортаж о бале.

– О. – Не зная, что сказать, я поправила причёску, испортившуюся из-за шлема. Проступают ли очертания бутылки текилы сквозь мою сумку? Я передвинула ее за спину. – Ладно, мне надо идти.

Я двинулась по тропинке, но Диего, не отставая, пошел следом.

– Значит... «Властелин колец» тебе по вкусу, а?

Нахмурившись, я настороженно посмотрела на него. Иногда, когда я проходила мимо него в коридоре, у меня возникало отчетливое ощущение, будто он собирается что-то сказать, но он каждый раз отходил, не произнеся ни слова. А может, он и вовсе не собирался ничего говорить. Через некоторое время обида заполнила дыру в моем сердце, которая образовалась, когда надежда исчезла без следа. Может, наша дружба была удобна для него, пока наши отцы дружили, – а теперь, когда у него денег стало как грязи, я уже не стоила того, чтобы тратить на меня время.

А может, он скучал по мне и теперь, оказавшись со мной наедине, решился что-то сказать.

– Ага, – наконец, ответила я, с любопытством гадая, что он скажет. – Я равнодушна к саундтрекам. – На самом деле я никогда не рассказывала ему – хотя он спрашивал меня тогда, несколько лет назад. В общем-то, стесняться тут было нечего. Бесконечное прослушивание мелодий из фильмов превращалось во вдохновляющий саундтрек для моей собственной унылой жизни. Но вряд ли кто-то может разделить со мной такие предпочтения.

– Правда? А какой любимый? – В его голосе послышалась искренняя заинтересованность.

– Что угодно, если это написали Ханс Циммер, Говард Шор или Джон Уильямс.

Он одобрительно кивнул.

– Круто.

Ух ты. Обычно такой ответ встречали непонимающими взглядами и отсутствующим выражением лица, поэтому я говорила, что моя любимая певица – Тейлор Свифт. Людям она нравится, верно?

Он снова убрал пряди, закрывавшие глаза.

– Я слушаю саундтреки к «Звездным войнам», когда занимаюсь. Обычно из оригинальной трилогии.

У меня отвисла челюсть.

– Серьезно?

– Иногда я добавляю чуток из «Гладиатора» или «Бегущего по лезвию», если чувствую тягу к приключениям.

– Я от тебя без ума. – У меня внутри все оборвалось, когда Диего удивленно вскинул брови. – *От музыки.* Я без ума от этой музыки. Просто... я не знала, что ты слушаешь... и больше никого не знаю, кто слушал бы саундтреки, вот так, как я... – окончательно растерявшись, я закрыла рот, чтобы остановить это словоизвержение. Его губы изогнулись в улыбке.

– Поверь мне, ты не единственная, кому нравятся саундтреки к фильмам.

– Верно. Разумеется. – Онемев от ужаса, я уставилась себе под ноги, на валяющиеся на земле ветки, и не поднимала глаз, пока мы спускались по холму к заднему входу. Но снаружи, перед дверью, стоял и курил сигарету мистер Тёрнер, один из наших охранников. Охнув, я застыла на месте. Вдруг он решит проверить мою сумку? Наверное, мне лучше рискнуть и попробовать пройти через главную дверь.

– Что случилось? – спросил Диего.

– Не хочу идти через заднюю дверь. – Я повернулась, собираясь двинуться обратно по тропинке.

– Уф... а почему нет? – в его голосе послышалось беспокойство. Хватит надеяться, что он по мне скучал. Нет ничего хуже ложных надежд.

Я с трудом сглотнула. Я не могла признаться, что пытаюсь пронести выпивку.

– Это... мой первый школьный бал. – Лучший ответ, который пришел мне в голову.

– Ну и?

– Никогда в жизни не была ни на одном.

Он нахмурился.

– Ну и?

– И! Это же, типа, важный этап. Я покидаю свой кокон. Выхожу в большой мир. Начинаю... ходить на школьные балы! – я ткнула пальцем в направлении фасада школы. – И я хочу войти через главный вход. – Боже, теперь он, наверное, решил, что я еще более жалкая, чем ему казалось раньше.

Нахмурившись, Диего посмотрел на меня.

– Ну ладно. – Он протиснулся мимо меня и зашагал к школе. – Через главный вход – так через главный вход.

Шумно вздохнув, я побежала следом за ним и, догнав, перешла на быстрый шаг. Когда мы подошли к дверям, я толкнула было одну из них, но он заслонил мне путь рукой.

– В чем дело? – Мое сердце бешено заколотилось, словно дикий жеребец, вырвавшийся из узды. Он заметил текилу у меня в сумке или что?

Закрыв глаза, он глубоко вдохнул.

– Вот оно.

– Что?

– Мы вот-вот перешагнем порог и вступим в следующий этап нашей жизни.

Я одарила его убийственным взглядом.

– Ты что, сейчас надо мной смеешься?

– погоди, погоди... чуешь этот запах? – Он демонстративно принюхался.

В воздухе висел легкий запах выхлопных газов и вечерней росы.

– Нет.

– Это запах нового начала!

– Да заткнись ты.

Закатив глаза, я оттолкнула его руку.

– Увы!

Я шагнула к двери, и он поспешил следом.

– Это заря новой эры!

Покачивая головой, я зашагала по вестибюлю, стараясь оказаться как можно дальше от Диего. Неудивительно, что я столкнулась с нашим вторым охранником, мистером Гарсия. Сердце оборвалось, ухнуло вниз и, проскочив желудок, оказалось где-то между ног.

– Ух, притормози, Эмбер, – сказал мистер Гарсия, ухватив меня за плечи. – А то собьешь кого-нибудь.

– О боже, простите. – Я выпрямилась, закинув сумку за спину так резко, что ремень впился в рубашку на груди. «Только не проверяйте сумку. Только не просите показать сумку».

– Ничего страшного. – Под черными усами мистера Гарсии показалась добродушная улыбка.

– Ты в порядке? – спросил Диего. Он коснулся моей поясицы, и я снова поправила сумку, чтобы она оказалась подальше от его руки. Но теперь мистер Гарсия наверняка заметит, что сумка тяжелая, что ее оттягивает вниз вес бутылки, утяжеленной сотнями килограммов вины.

– Ага. Порядок.

Мистер Гарсия посмотрел на нас и подмигнул.

– Желаю вам отлично повеселиться, ребята.

Мои щеки запылали, но Диего, кажется, все было нипочем.

Мы прошли в спортивный зал и помедлили у его дверей, осматриваясь по сторонам. Я всегда думала, что зимний бал – это что-то столь же изысканное, как выпускной. Но в Брюстерской старшей школе для зимнего бала было не принято подбирать дорогие платья или развешивать украшения – только кое-где в спортивном зале виднелись воздушные шары, спасибо школьному совету. Девушки раскачивались в танце под грохочущие басы. На ученицах были обтягивающие джинсы и блестящие топы, а мальчики выглядели как обычно: либо чистенькие спортсмены, либо образцовые ботаны.

Пока я осматривалась по сторонам в поисках Прии или Саши, Диего махнул рукой в сторону будки диджея.

– Жаль, что они не играют саундтрек к «Властелину колец». Мне попросить?

– Не думаю, что остальные будут в восторге от такого выбора, – ответила я, наблюдая, как он расстегивает свой рюкзак и вытаскивает второй фотоаппарат. – Ой... а сколько именно фотокамер нужно, чтобы сделать репортаж про школьный бал?

Он похлопал по той, которая висела у него на шее.

– На самом деле всего одна, но...

– О, да ты посмотри на себя, ты просто хочешь круто выглядеть, – сказала я, стараясь, чтобы это прозвучало хоть сколько-нибудь иронично. – Жаль, что остальным приходится ограничиваться коллекционированием монет.

Он медленно улыбнулся, и я прикусила губу, сдерживая ответную улыбку.

– У меня только два фотоаппарата, ясно? Это мамин. «Поляроид».

– О, ничего себе. Я думала, их больше не делают.

– Пленку по-прежнему можно заказать по Интернету. Да все, на самом деле, можно заказать в Интернете. Ну, давай увековечим этот наш важный жизненный этап.

Он поднял фотоаппарат на вытянутой руке и навел на нас объектив.

– О нет, не думаю...

– Скажи «сы-ы-ыр».

Ладно, так тому и быть. Я подчинилась, не желая, чтобы он думал, будто застал меня врасплох, и изобразила самую широкую улыбку, на какую была способна. Вспышка на мгновение ослепила нас. Из щели в фотоаппарате тут же показалась белая полоска.

Я заморгала – мое поле зрения заполнили фиолетовые точки. Диего вытащил фотографию, и мы вместе увидели, как размытые серые пятна превращаются в наши улыбающиеся лица.

– Ха, я тут выгляжу как ботан.

Ненавижу себя на фотографиях. Лицо, которое смотрит на меня со снимка, совершенно не соответствует тому, как я себя представляю, – россыпь веснушек на моих щеках выходит ярче, чем я ожидаю, и постоянно оказывается, что волосы уложены неровно.

– Отлично выглядишь.

Он убрал камеру в сумку, но, прежде чем я успела понять, с каким выражением лица он это сказал, кто-то открыл дверь у нас за спиной, впуская в зал поток света, и лицо Диего оказалось в тени.

Приа заглянула в спортзал.

– Вот ты где!

Она ворвалась внутрь.

– Вот *ты* где.

– Почему ты не отвечаешь на сообщения?

Вот черт. Когда еду на велосипеде, я всегда ставлю телефон на беззвучный режим, чтобы не отвлекаться.

– Пойдем!

– Куда?

Прия настороженно взглянула на Диего.

– Просто... пойдем.

– Ладно. Ну, увидимся позже.

Я легонько помахала рукой Диего и побежала следом за Прией.

– Все сюда пошли.

Она повела меня к помещению для репетиций. Ее глаза расширились от волнения.

– Меня бесит, что я такая стеснительная, – сказала она. – Никогда не могу придумать, о чем говорить с Сашей.

– Поговори о чирлидинге, – предложила я. – Ведь вам обеим это интересно.

Приободрившись после маленькой победы в разговоре с Сашей, я убедила Прию попробовать записаться в команду чирлидеров, и ее туда взяли. Она была рада и потрясена, но это, похоже, совсем не укрепило ее самооценку.

– Ага, наверное.

Когда мы проскочили в помещение для репетиций, Саша тут же бросилась к нам.

– Смотрите, кто наконец-то пришел! – она изобразила, будто целует меня в щеки. Мы с Прией смущенно переглянулись, и я вытащила из сумки текилу. Саша схватила ее.

– Полбутылки? Надеюсь, остальное ты распробовала по дороге.

Я не могла разобрать, шутит она или сердится. Прежде чем я успела ответить, она метнулась к барабанной установке.

– Ну наконец-то, блин, аллилуйя.

Зейн выглянул на нас из-за тарелок и хулигански ухмыльнулся. Козырек бейсболки прикрывал его глаза.

– Пить хотите?

Мы с Прией обогнули барабанную установку и обнаружили, что многие уселись на полу. Эми и Мария склонились над телефоном, над чем-то хихикая. Саша и Робби сидели спиной к спине. Саша вытянула руку с телефоном, чтобы сделать селфи. Я узнала еще нескольких участников театрального клуба, в том числе Эшер и Дэна. Они наблюдали, как Зейн разливает текилу по красным пластиковым стаканчикам и раздает их всем. Саша легонько пнула меня в лодыжку и многозначительно улыбнулась мне, а затем кивнула на них.

– Привет, ребята, – сказала им Саша. – Вы же знаете Эмбер, верно?

– Конечно.

Дэн помахал мне, а затем спрятал руки в карманы. Обычно он играл вторую ведущую партию – вместе с Марией, которая сейчас, прищурившись, смотрела на нас.

– Ты пишешь музыку, верно?

– Ага! Надеюсь, когда-нибудь я напишу саундтрек к фильму!

– Мило, – ответил Дэн.

– Это чудесно, – сказала Эшер, еще одна наша актриса. – Слушай, может, однажды ты напишешь саундтрек к фильму, в котором буду играть я.

Я улыбнулась.

– Было бы восхитительно.

– Итак, Саша рассказала вам про мою идею с «Ромео и Джульеттой»...

– Опрокинем-ка! – перебил Зейн, подавая мне стаканчик. Я никогда раньше не пробовала алкоголь, если не считать того раза, когда папа дал мне отпить своего пива. Мерзкий вкус. Каждый раз, когда мы тусовались с компанией Саши, Прия в открытую отказывалась от выпивки, а я лишь делала вид, что пью, а потом украдкой выливали содержимое стакана в раковину в ванной или на кухне. Но теперь деваться некуда. Я принялась к напитку и поморщилась. Зейн протянул еще один Прие.

– А вот и твой, красавица.

Ее лицо окрасилось в ярко-малиновый цвет. Она попыталась сказать «спасибо», но ей удалось выдать только «спаа», а потом она издала странный звук, словно задыхалась.

– Ваше здоровье.

Робби вытянул руку в мою сторону, ударил своим стаканчиком о мой и улыбнулся, обнажив кривоватые зубы. Не сдержавшись, я улыбнулась в ответ.

Саша сначала отпила немного, а затем проглотила текилу, почти не поморщившись. Я робко отпила, пытаясь скрыть гримасу, когда жидкость обожгла внутренности, прокатившись по пищеводу. Я схватилась за горло.

– Ух! Это... необычно.

Подняв бровь, Саша посмотрела на Прию, которая глядела на меня, приоткрыв рот.

– Ну?

Прия осторожно принялась, скорчила гримасу и протянула стаканчик вперед, рассчитывая, что его возьмет кто-то другой.

– Нет, спасибо.

Зейн ухмыльнулся, глядя на нее.

– Не пробовала текилу раньше?

– Я вообще раньше никогда не пила, – сказала Прия. – Мама меня из дома не выпустит, если я напьюсь.

– Поверь мне, от одной рюмки не опьянеешь, – ободряюще сказала Саша. – Если я столько выпью, это меня чуток развеселит лишь на пару часов. А я ведь поменьше тебя буду, так что...

– О, – сказала Прия, окидывая взглядом Сашу, которая на самом деле была ничуть не ниже ростом, чем она сама. – И все-таки я лучше не буду...

– Ну хоть попробуй, – сказала Эми.

– От этого не умрешь, – вставила Мария.

– Давай-давай, – добавил Зейн. – Ну же, тут совсем чуть-чуть.

Прия по-прежнему медлила, разрываясь между стремлением впечатлить Зейна и нежеланием ослушаться матери.

– Мы же не пытаемся перетащить тебя на темную сторону Силы.

Я рассмеялась вместе с остальными и сыграла на пианино несколько аккордов «Имперского марша» из «Звездных войн».

– Ух ты, круто! – Робби улыбнулся, и у него на щеках появились ямочки.

– Спасибо, – пискнула я.

– Она может сыграть главную тему из любого фильма. – Прия опустила стаканчик, явно обрадовавшись возможности сменить тему. – Действительно из любого. Назови какой-нибудь.

Эшер поставила на пианино полный стаканчик и кивнула на пианино.

– «Джеймс Бонд».

Я не смогла сдержать ухмылки. Легкотня. Усевшись на скамейку, стоявшую перед пианино, я сыграла примерно двадцать секунд из главной темы «Золотого глаза». Все столпились вокруг меня. Мария встала в стороне, скрестив руки.

Робби толкнул меня под руку.

– Сыграй «Парк юрского периода».

Я сыграла самый известный фрагмент главной темы. Застыв на месте, словно зачарованный, Робби наблюдал за тем, как мои пальцы бегают по клавишам. Остальные принялись выкрикивать названия других фильмов и сериалов, все менее и менее известных. Я сыграла их все, плавно переходя от одной к другой. Когда я наконец перестала играть, Робби и Саша разразились восторженными возгласами, а я отчаянно покраснела.

– Это было великолепно, – сказала Эшер. – А можешь сыграть что-нибудь свое?

– Ой, просто открой ютьюб. – Саша показала на мою сумочку. – Включи одну из своих записей.

Я вытащила телефон.

– Ладно, например – эта. – Я нажала «play» и чуть не побила мировой рекорд по задержке дыхания, пока все ее слушали.

Когда композиция отзвучала, все принялись осыпать меня комплиментами. Даже Мария:

– Ты сама написала? Все эти партии? С ума сойти.

Прия одарила меня озорной улыбкой, одними губами изобразив слово «Ура!».

– Итак. – Саша повернулась к актерам, пока Робби и Зейн колотили по клавишам пианино. – Думаю, мы сделаем современную версию «Ромео и Джульетты». Ну, знаете, американизуем некоторые строчки? Добавим немного юмора, может, чуток сатиры... – она болтала не переставая, и мое сердце наполнялось благодарностью. Я поверить не могла, что когда-то считала ее полнейшей стервой.

Внезапно двери распахнулись. Вскрикнув от удивления, я вскочила так резко, что скамейка опрокинулась. В тот же момент Зейн уронил бутылку текилы, и она со звоном разбилась. Мария дернула Сашу за запястье, утащив ее за пианино, а мальчишки спрятались за барабанами. Мы все присели как можно ниже, широко открыв глаза, закрыв рты руками, чтобы сдерживать смешки и возгласы. Рука Робби каким-то образом оказалась у меня на плече и притянула ближе к себе. Я была не против.

– Я знаю, что вы там, – окликнули нас. Это была мисс Бёрр, наша библиотекарьша. – Я слышала, как что-то разбилось. И ваше пианино снизу отлично слышно. – Никто не ответил. Никто не знал, что делать. Нас засекли. – Что тут у вас творится?

«*Черт, черт, черт*», – произнесла губами Саша, ухватив ближайšie стаканчики и сложив их один в другой. Прия начала вставать, но Зейн дернул ее за пояс и усадил обратно. Он показал на боковую дверь, которая выходила в зрительный зал. Мы могли бы сбежать через нее. Мисс Бёрр слишком старая и неуклюжая, чтобы нас поймать. Может, она даже не разглядит наши лица.

Наклонившись над разбитой бутылкой, Саша подобрала оставшееся целым горлышко и подняла его, как кинжал. Изломанные края сверкнули. Что она вообще собирается делать? Она что, хочет *зарезать* мисс Бёрр? Если кто-то узнает, что мы пили на территории школы, чирлидеров и бейсболистов выгонят из команд. Как далеко она готова зайти, чтобы этого избежать?

Но прежде, чем я успела что-то сделать, Саша размахнулась и швырнула стекляшку на другой конец комнаты, чтобы отвлечь библиотекарьшу.

– Бежим!

Осталось 53 минуты

Робби стиснул в руке шприц с ядом, держа его над одной из стоявших на столе пустых тарелок. Его большой палец коснулся поршня, рука напряглась, словно он был готов его раздавить. Я поморщилась, невольно задержав дыхание.

– Нет! – крикнул Диего, замахав руками на Робби. – Ты же нас всех угробишь!

Робби ослабил хватку.

– Что? Как я... – Диего бросился к нему, схватил за запястье и выхватил у него шприц. – Ладно, ладно! Черт с вами...

– Нельзя допустить, чтобы токсин попал в воздух, – Диего взял шприц двумя пальцами, словно это было что-то мерзкое, и положил его обратно на поднос. – Никому не прикасаться. Вот, тут же написано. – Он показал на этикетку. – Не допускать попадания на кожу. Одна капля может быть смертельной. А что, если эта капля попадет на вас? И кто знает, что случится, если она испарится? Мы же не знаем, какая тут концентрация. Ты мог случайно убить всех нас.

Саша подняла брови.

– Так ты *считаешь*, что это все по-настоящему?

Диего внимательно рассмотрел шприц.

– Точно не знаю. То есть шприц выглядит как настоящий. Но я не знаю, что внутри. – Он подтолкнул шприц кончиком мизинца, рассматривая светло-бежевую жидкость. – Ботулотоксин может быть невероятно опасен.

– Я о нем никогда не слышала, – сказала Прия.

– Это и правда самый смертоносный из известных ядов. На этикетке не написано, какая это разновидность, но если это тип «Н», то в шприце самое опасное вещество в мире. Одна капля *и правда* может тебя убить.

Глаза Прии стали огромными, как блюдца, а Саша прикрыла рот рукой.

Я подняла брови.

– Откуда ты все это знаешь?

Он пожал плечами:

– Точно не помню – однажды прочитал где-то. А может, документалку какую-то видел.

Если кто-то из нас залипал на научно-популярные фильмы, так это Диего.

– Это будет мгновенная смерть? – спросила я. – Что именно случится?

– Думаю, да. – Он наморщил лоб. – Это нейротоксин. Он блокирует нервы, которые контролируют твои жизненно важные органы. Легкие перестанут всасывать воздух. Сердце остановится.

От того, как он это описывал, у меня внутри все перевернулось. Он заметил выражение ужаса на моем лице.

– Не думаю, что это очень больно. Зато недолго. С другой стороны, если это тип «А» или «В», то, чтобы убить одного человека, потребуется ввести все содержимое шприца. – Диего покачал головой. – Но не зная точно, какая это разновидность яда и в какой концентрации, предсказать невозможно, пока не... ну, вы понимаете. Пока мы им не воспользуемся.

– Как вообще кто-то в нашем городе смог раздобыть подобное вещество? – спросила Прия.

– Понятия не имею. – Диего запустил пальцы в свои лохматые волосы. – Какой-то черный рынок в Интернете? А может, этот человек вовсе не из нашего города?

– Не врубаюсь, – сказал Робби, обнимая меня, словно в попытке защитить. – Почему яд? Почему не пистолет, не кинжал или еще что-то?

– Их сложнее подделать, верно? – сказал Скотт.

– Почему ты так уверен, что яд не настоящий? – спросила Саша.

Он постучал себя по лбу.

– Я просто использую свой котелок. Они хотят, чтобы мы думали, что одной капли этой штуки достаточно, чтобы убить человека, – тогда мы не рискуем проверять, как она действует. Они явно не хотят, чтобы мы пытались выяснить, настоящий ли это яд, именно потому, что он не настоящий – и они не хотят, чтобы мы это обнаружили. Просто возвратная психология.

– Обратная, – поправила его я.

– Неважно. Я все еще считаю, что это розыгрыш.

– А может, они действительно хотят, чтобы кто-то из нас погиб. – Саша показала на бомбу. – Или чтобы мы *все* умерли.

Скотт нахмурился.

– Не понял.

– Если бы у нас в руках оказались нож или пистолет... кто знает, как все обернулось бы? Сколько людей были бы заколоты или застрелены? Но, вероятно, этот яд действительно *не самого опасного* типа и его достаточно, чтобы убить *только одного* человека.

Я кивнула, понимая ход ее мыслей.

– Но зачем? Учítывая, в каком положении мы оказались, какая им вообще разница, что случится с остальными? – спросила Прия.

– Потому что, – сказала я, почти перейдя на шепот, – они хотят, чтобы остальные жили с мыслью о содеянном.

Саша кивнула.

– Именно.

– Боже. – Робби вытер лоб.

– О господи, – произнесла Прия. – Это невозможно. Это совершенно невозможно.

Я шагнула к ней, инстинктивно стремясь ее успокоить, но она, съезжившись, отшатнулась от меня. У меня в горле словно застыл тяжелый камень. С трудом проглотив его, я повернулась к Диего:

– А ты как думаешь, шприц настоящий?

Диего оттянул воротник рубашки.

– Я хотел сказать, что у нас нет никакой возможности это проверить. Скотт правильно сказал – мы не можем рисковать. Я не хочу выпускать из него ни капли. Если это сверхопасная разновидность яда и она попадет в воздух, кто-то может ее вдохнуть и это окажется смертельным.

– Думаю, нужно исходить из предположения, что яд настоящий, – сказал Робби. – Верно?

Я переглянулось с Диего, который стоял, потирая подбородок.

– Не знаю. Может, он и правда настоящий. Но я не знаю.

– Нет, нет... я имею в виду... – Робби облизал губы и нахмурился, словно ему сложно было облечь свои мысли в слова. – Нужно думать, будто вся эта история реальна. Яд, бомба – все это настоящее. Ну ладно, если не настоящее, отлично... мы введем кому-то эту хрень, и ничего не случится. Но нам все равно придется кого-то выбрать и отравить этого человека – в случае, если окажется, что *и яд, и бомба* настоящие. – Он кивнул в сторону бомбы. – Потому что мы не можем допустить, чтобы нас всех убило бомбой.

Все застыли. Интересно, у них сердца бились так же быстро, как мое? Я прижала руки к груди, чувствуя, как по ключицам стекает пот. Мне показалось, что в комнате с каждой минутой становится все жарче.

– Так что нам делать? – хрипло спросила Прия.

– Нам придется через это пройти, – сказала Саша. – Нам придется сделать выбор.

11 месяцев назад

Одиннадцатый класс, февраль

Я пыталась продержаться как можно дольше. Но в итоге получилось, что я ползла на четвереньках к Саше, умоляя ее, чтобы она спасла меня.

– Я сдохну через сорок пять секунд, – прокричала я. – Сорок четыре, сорок три. Оживи меня, оживи меня.

Но Саша была слишком занята вопросами собственного выживания.

– погоди секунду. Эти гады никак не хотятдохнуть! – Она присела за стеной, которую соорудила из досок, едва успев уклониться от выстрела чьей-то винтовки. Помедлив несколько секунд, она соорудила помост, выглянула из-за стены, прицелилась из дробовика и выстрелила. – Проклятье! Да блин, это же был хэдшот!

– От вас обеих никакого толку, – сказал Робби. – Я сейчас. – Он подбежал и оживил меня, держа руку над моей головой. Через десять секунд я снова была в строю.

Впрочем, пользы от меня было немного. Мы играли в «Fortnite» уже больше часа, и пока что единственное, чему я научилась, – рубить деревья, наткаться на уже вскрытые сундуки с сокровищами и постоянно путаться у всех под ногами.

– Спасибо. – Я взглянула на Робби. Мы сидели на Сашиной кровати, скрестив ноги, положив на колени ноутбуки, а сама Саша устроилась за ПК, колотя по клавиатуре и осыпая врагов градом пуль. А я всего-то хотела показать Саше свою новую музыку к первому акту «Ромео и Джульетты». Когда я пришла, Робби уже был здесь, с ноутбуком и гарнитурой. Я повернулась к выходу, решив, что лучше зайду в другой раз, но они предложили мне присоединиться к их команде. У меня отвисла челюсть. Может, я не расслышала? Но Саша сказала:

– Давай, ты же взяла свой ноутбук, верно? Садись. – Она показала на свою кровать. – Играй.

Если бы вы месяц назад сказали мне, что я буду сидеть на кровати у Саши Харрис и играть в компьютерные игры с ней и самым симпатичным из ее одноклассников, я бы рассмеялась. Но я была в восторге от их предложения.

Пока я не осознала, насколько плохо играю.

– Не проблема. – Робби бросил несколько аптечек к ногам моего персонажа. – Я тебя прикрою.

После того, как мой персонаж подлечился, Робби на мгновение оторвал руку от клавиатуры. Мы стукнулись кулаками, и по моей руке пронесся жар. Внезапно я отчетливо осознала, что наши колени почти соприкасаются. Прикусив губу, я наблюдала за его игрой. Его глаза искрились, быстро оценивая ситуацию, исходящий от экрана свет отражался в них, и вокруг зрачков вспыхивали серебристые блики. Сосредоточенно наморщив свой выразительный лоб, он прицелился из ракетной установки. Наверное, я слишком загляделась на него, потому что он встретился со мной взглядом и, улыбнувшись, спросил:

– Ты идешь?

– Что? – покраснев, я снова сосредоточилась на происходящем на экране. Их персонажи уже ринулись вниз по холму, к группе зданий.

– Ах да, простите.

Я устремилась следом за ними. Но мою шею покалывал жар, и я была почти уверена, что взгляд Робби задержался на мне. Я рискнула быстро оглянуться на него.

Точно. Не только я на него засматриваюсь.

– Итак, ребята, – сказала Саша. – Враги отстраиваются на этом холме. Справа. – И точно, в воздух быстро взмывали конструкции. Похоже, они пытались соорудить мост, ведущий с одного холма на другой.

– Ладно, – сказал Робби. – Давай обойдем вон там...

Но тут я выстрелила во вражеский мост. Конструкции исчезли, и двое вражеских персонажей упали на землю. Над ними появилось сообщение:

AmberonFire убивает игроков DeftAssasin and Warrior045.

Саша издала восторженный возглас:

– Круто! О-фи-геть.

– Красота! – Робби играючи толкнул меня в плечо. – Первый раз кого-то убила, верно?

– Ага, – просияла я. Я и забыла, как сильно люблю компьютерные игры. Раньше мы с Мэгги постоянно играли вместе.

Внезапно я ощутила, как меня душит горе. Мэгги понравилась бы эта игра. Побеждает последний оставшийся в живых, как в «Голодных играх». Когда-то Мэгги тайком припрятала эту книгу у меня под подушкой после того, как мама запретила ее читать, потому что мне еще рано. Мы обе были фанатками этой серии, и, если бы она была жива сейчас, мы бы играли в «Fortnite» вместе – я в своей спальне, а она в каком-нибудь вузе Лиги Плюща, и мы бы кричали друг другу команды через гарнитуру.

Внезапно дверь Сашиной комнаты распахнулась. От неожиданности я чуть не выпрыгнула из своей кожи. В двери стояла строгая женщина, уперев руку в бок.

– Что тут происходит?

– Мам! – Саша тут же сбросила гарнитуру. – Мы просто играем. Почему ты вернулась так рано?

Мама посмотрела на Сашу, приподняв тонкую, изогнутую бровь.

– У меня два последних пациента отменили запись. И я решила, что приготовлю ужин пораньше. А вот ты явно не собиралась пораньше сделать домашнее задание.

Мы с Робби переглянулись, Сашина мама щелкнула языком и, прищурившись, посмотрела на экран компьютера.

– Как вы можете тратить время впустую? Да еще и на такие глупости.

– Это не глупости...

– Экзамен уже совсем скоро.

– Мама, я знаю. Я учусь без передыха, ты же сама знаешь. И у нас еще осталось два месяца...

– Два месяца – это почти ничего. – Мама скрестила руки на груди. – Если ты хочешь попасть в Гарвард, нельзя терять времени. Когда твоя сестра хотела выступать на Бродвее и у нее оставалось два месяца до прослушивания, думаешь, она сидела и играла в игры? Нет. Она постоянно репетировала. Она пожертвовала получением степени. Она никогда не упускала возможностей. И теперь она играет в «Призраке оперы».

– Мама, я *понимаю*, – сказала Саша. – Мы же вместе ездили смотреть, как она выступает, помнишь?

– Ну, я просто напоминаю, что тебе стоило бы у нее поучиться.

Боже. Если бы мама меня хоть раз подобным образом сравнила с Мэгги, я бы почувствовала себя ничтожеством. Но Саша выносила упреки стоически. Только блеск ее глаз выдавал боль.

– Мисс Харрис, это я во всем виноват, – сказал Робби, чья смелость явно простиралась и за пределы цифрового мира. Он захлопнул свой ноутбук и поднялся на ноги. Я посмотрела на экран и увидела, как вражеская команда разделяется с нашими персонажами. – Саша и Эмбер собирались поработать над школьной постановкой. Но я уговорил их вместо этого поиграть в «Fortnite». Так что это я виноват.

Мисс Харрис посмотрела на меня таким взглядом, словно заметила меня только сейчас.
– Ладно, вы двое можете остаться на ужин. Он будет готов через час.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив дверь открытой.

Мы с Робби устали на Сашу, которая откинулась на стуле, скрестив руки.

– Ты в порядке? – спросил Робби.

– Неважно, – буркнула Саша, глядя в потолок.

– Понимаете, нельзя же постоянно работать, работать и работать, – сказал Робби. – Всем нужно иногда делать перерыв. – Саша не ответила, и он продолжил: – Кроме того, экзамены – это тупо. Самые важные победы в жизни к школе не имеют никакого отношения.

– Думаешь, я не знаю? – резко сказала Саша. – Зачем, по-твоему, я занимаюсь этой пьесой? И чирлидингом? И всем остальным?

Робби поднял руки.

– Прости. Я просто пытаюсь помочь.

– Ну ладно. – Саша смотрела в окно, отвернувшись от нас. – Вы лучше идите.

– Подожди, – сказала я. – Разве ты не хочешь послушать композиции, о которых мы говорили? – Если она не слушает их, то театральный клуб не сможет принять окончательное решение – ставить ли «Ромео и Джульетту» в мае.

Она устало вздохнула.

– Не сейчас, ладно? Она права... Мне нужно заниматься. – Она потерла глаза, пытаясь сбросить напряжение. – Просто пришли мне их попозже, и я потом послушаю. – Ее голос дрогнул, словно она сдерживала слезы. Может, она не хотела, чтобы мы видели, как она плачет.

– Хорошо. – Мне стало ее жалко. Неудивительно, что она всегда старается быть идеальной во всем. Мы были не очень близки, но я чувствовала себя неловко, оставляя ее в таком состоянии. – Я могу остаться и помочь тебе с уроками, если хочешь, – предложила я, пока Робби убирал ноутбук в рюкзак.

– Правда? – спросила она. На мгновение мне показалось, что она сейчас согласится. Но затем ее глаза увлажнились еще сильнее, и она вытащила бумажный платочек из коробки, стоявшей на столе.

– Не нужно, я справлюсь. Идите пока, ладно? Пожалуйста.

Робби легонько подтолкнул меня.

– Пойдем.

Я собрала свои вещи и вышла следом за Робби. Он закрыл за нами дверь, и мы протопали вниз по лестнице.

– До свидания, мисс Харрис, – произнес он, перекрикивая доносившееся с кухни звяканье кастрюль и сковородок.

– До скорого, – ответила она, даже не пытаясь убедить нас остаться.

– Ну и дела, – сказала я, пока мы спускались по ступенькам крыльца.

– Ага.

– Если у Саши такая строгая мама, как у нее получается постоянно гулять, устраивать вечеринки и тому подобное?

Робби усмехнулся.

– А ты думаешь, она маме правду говорит? Наверное, говорит, что идет к кому-то заниматься, или собирается в библиотеку, или еще чего-нибудь выдумывает.

– А. – Мне никогда не приходилось вот так вот врать родителям. По крайней мере, пока я не начала воровать у них алкоголь. Робби проводил меня до велосипеда, который я оставила у стены рядом с дверью гаража. Я провела рукой по лицу сверху вниз.

– Все нормально? – спросил Робби.

– Ага. Просто переживаю из-за пьесы. Если она не слушает эти треки в ближайшее время... знаешь, у нас просто не хватит времени. Мне нужно понять, точно ли мы будем ста-

вить пьесу. Нужно проделать массу работы, чтобы все было готово к маю, но успеть вполне можно... если мы больше не будем тратить время впустую.

Прислонившись к стене, Робби внимательно посмотрел на меня. Его взгляд задержался на мне, пожалуй, слишком надолго, и мое сердце замерло.

– Эта пьеса многое для тебя значит, верно?

– Ага. Буквально все. Это мой шанс доказать, что я могу написать полноценный саундтрек для настоящего оркестра. Когда еще мне представится такая возможность?

– Я знаю, как важно получить подобный шанс. Шанс сделать что-то масштабное. – Он положил руку мне на плечо. – Я поговорю с Сашей. Позабочусь, чтобы она все прослушала.

Я воспряла духом.

– Правда? Ты сделаешь это для меня?

– Конечно. Ну, то есть я не могу гарантировать, что они согласятся. Но я уверен, что Саша будет на твоей стороне.

Но сама я, увидев, в каком она состоянии, уже ни в чем не была уверена.

Осталась 51 минута

Уже второй раз Саша намекнула, что нам придется выбирать, кто умрет.

– *Нет.* – Я сжала кулаки, пытаюсь сдержать дрожь в руках. Несмотря на то что в комнате было жарко, мышцы начали болеть от непрерывной дрожи. – Нельзя допустить, чтобы до этого дошло. *Нельзя допустить.*

Саша всплеснула руками.

– Что нам тогда делать?

– Давайте просто... успокоимся и попытаемся понять, как выбраться отсюда. Это же не лондонский Тауэр. Должен быть какой-то выход.

Но никто со мной не согласился. Никто ничего не сказал. Все смотрели на меня и на Сашу.

Я с мольбой посмотрела на Диего.

– Ну же! Давай хоть попытаемся найти выход отсюда.

Он кивнул.

– Попробую разобраться с дверью. Кто-нибудь, займитесь окнами!

Он принялся изучать дверь. Покрутил дверную ручку, пытаясь силой открыть дверь, пока костяшки пальцев не побелели от напряжения. Последовав его примеру, остальные тоже стали пытаться что-то сделать. Робби присоединился к Диего и занялся дверью, а Скотт и Прия подтащили стулья к комоду с обеих сторон, чтобы подтянуться к двум окнам, расположенным у самого потолка. Саша бросилась к камину, а я обошла по периметру персидский ковер, высматривая сама не знаю что. Может, потайную дверь или люк? По пути я открывала все выдвижные ящики, надеясь обнаружить в них какой-нибудь ключ.

– Камин ненастоящий. – Саша наклонилась, засунула голову в камин и постучала по панели, закрывавшей место, где должна была быть труба. – Абсолютная подделка.

Прия закричала, пытаясь вскрыть замок, запиравший окно, – она дотянулась до него, встав на стул.

– Замок заело.

– Тут тоже, – ответил Скотт. Его лоб и верхняя губа блестели от пота. – Кто-то его закрасил, краска засохла, и теперь не открыть. К тому же на окнах все равно решетки.

– Может, получится открыть и их. Попробуем!

Робби наблюдал за тем, как Диего сражается с дверной ручкой, но через минуту оттолкнул его в сторону и навалился сам. Мощная дубовая дверь даже не шелохнулась. Робби откинулся назад, а затем снова врезался в дверь плечом, обрушив на нее весь свой вес, но тут же отшатнулся, схватившись за плечо.

– Проклятье!

– Может, попробовать ее выбить? – предложил Диего.

Робби несколько раз ударил дверь ногой. Бум. Бум. Бум. Каждый удар словно отдавался в моей груди, но я продолжала рыться в ящиках приставного столика. *Бум. Бум. Бум.* Мне попадались лишь скатерти, салфетки из ткани и из бумаги, вилки, ложки, тарелки и декоративные свечи. *Бум. Бум. Бум.*

Саша взобралась с ногами на стол и с безумным видом огляделась по сторонам.

– Мне нужна швабра, палка или что-то в таком духе.

– Зачем? – спросила я. *Бум. Бум. Бум.*

– Чтобы постучать в потолок. Может, наверху кто-то есть.

Я показала на Робби.

– Думаешь, его плохо слышно?

Бум. Бум. Бум.

– Не знаю. Робби, так ничего не выйдет! – крикнула Саша, зажав руками уши. – Никакого толку.

Диего окинул взглядом комнату.

– Может, тут есть что-то, чем можно выбить дверь.

– Что, например? – спросил Робби, пытаясь отдышаться.

– Ну не знаю... что-нибудь.

Робби схватил ближайший стул и пошатнулся – напрягшись, словно поначалу недооценил его вес. Восстановив равновесие, он швырнул его в сторону двери. Диего, вскрикнув, отпрыгнул назад. Стул ударился о дверь и упал набок.

– Проклятье.

Я оттянула воротник своего усыпанного блестками платья, которое начало колоть липкую от пота кожу.

– Боже, да тут свариться можно.

Подойдя к противоположной стене, я внимательно рассмотрела решетку, вмонтированную в стену под большим зеркалом в медной раме. Можно ли как-то заткнуть вентиляцию, через которую поступает горячий воздух? Я дотронулась до края решетки и тут же отдернула руку.

– Ой! – Она обжигала. – Она должна быть такой горячей? – Но никто не обратил на меня внимания, потому что все были заняты поисками выхода.

– Кто-нибудь умеет взламывать замки? – спросила Саша. В ответ лишь некоторые покачали головами.

– Ну... я могу попробовать, – сказал Диего. – У кого-нибудь есть скрепка? Или... такая штука для волос?

– Заколка? – предположила я.

– Да, что-нибудь такое.

Саша выудила из переднего отделения своей сумочки сверкающую заколку и протянула Диего.

– Подойдет?

Он осмотрел ее.

– Не, не думаю. Мне нужно что-то тонкое и острое.

– Давай я у себя посмотрю.

Я подбежала к своему стулу и принялась рыться в сумочке, переворачивая все до самого дна, но у меня не нашлось ничего достаточно тонкого и острого, чем он мог бы воспользоваться.

– Прия, – крикнула я, повернувшись к другому концу стола. – У тебя нет заколки-невидимки?

– Нет, – кряхтя, ответила Прия, которая изо всех сил пыталась провернуть защелку на окне. Наконец, она сдалась и ответила, тяжело дыша: – Ты же знаешь, я такими не пользуюсь. Верно. Она всегда скрепляла свои волосы широкими плоскими заколками.

– Но, может, есть что-нибудь острое? Скрепка или еще что?

– Я взяла только телефон и блеск для губ. Все.

– Полезный набор. – Скотт прыгнул со стула. – Никогда не знаешь, когда тебе понадобится подкрасить губы в трудную минуту.

Порывшись в карманах куртки, он выложил на стол все, что там было, – сигареты, зажигалку, бумажник и пачку бумажных салфеток.

– Ты тоже не слишком помогаешь, – сказала я. Пожав плечами, он снова забрался на стул и продолжил бороться с окном.

– Я нашла заколку! – воскликнула Саша. Бросив сумочку, она подбежала к Диего. – Робби, подвинься.

Тяжело дыша, Робби отошел в сторону. Диего опустился на колени рядом с замком.

– Не знаю, получится ли что-то.

– Все равно попробуй, – подбодрила его Саша.

– Проклятье! – Прия отпустила защелку окна и затрясла рукой. – Действительно заело. – Она прижала ладони к окну. Капли дождя стекали по стеклу, не давая толком ничего разглядеть.

– Дай я попробую, – сказал Робби. Прия спрыгнула со стула, а он залез на ее место.

– Зачем вообще кому-то понадобилось закрашивать задвижки? – Скотт изо всех сил пытался открыть защелку на другом окне. – Чушь какая-то.

– Это же... нарушение... чертовой... пожарной безопасности... вот что это. – Бицепсы Робби бугрились от напряжения под рукавами застегнутой на все пуговицы рубашки.

– Можешь разбить стекло? – предложила Саша.

– Нет, не надо, – сказала я. – В этом нет смысла. На окнах все равно решетки.

– Но, может, нам удастся их отпереть, – сказала Прия.

Робби посмотрел на меня – я была меньше всех ростом.

– Мы можем пропихнуть тебя в окно. И ты сбегашь за помощью.

Я расстроено пригладила локоны.

– Не думаю, что протиснусь в это окошко, даже если мы отопрем решетку.

Диего сосредоточенно возился с замком, высунув язык. Он пихал заколку в замочную скважину под разными углами. Шумно вздохнув, он отклонился назад.

– Понятия не имею, что я вообще делаю.

Скотт вытер лоб.

– Дай-ка мне стул.

Саша нахмурилась.

– Но... у тебя уже один есть?

Он лихорадочно взмахнул рукой.

– Еще один нужен! Неужели не ясно.

Я вздохнула. Это бессмысленно. Но я стояла к нему ближе всех, так что передала ближайший стул, с трудом подняв его. Он оказался тяжелее, чем я ожидала.

Скотт взял у меня стул, с кряхтением поднял его над головой и ударил ножками в окно. Стекло было толстым, но после нескольких удачных ударов по нему от середины разбежались большие трещины.

– Да! Так его! – выкрикнула Прия.

Скотт ударил в окно еще раз, и стекло разлетелось на куски. Я отшатнулась, опираясь на стол. Осколки посыпались на Скотта. Большой кусок стекла задел его щеку, и с его губ сорвался крик боли и удивления. Потеряв равновесие, он замахал руками, как пропеллерами, пытаясь за что-то ухватиться. Но рядом не оказалось ничего, кроме воздуха, а я не успела его подхватить.

Он свалился со стула и приземлился на пол с отвратительным хрустом.

10 месяцев и 2 недели назад

Одиннадцатый класс, март

– Видишь их где-нибудь? – спросила я у Прии, выискивая Сашу среди заполнявших «Честерфилд» людей. Я бывала здесь лишь однажды. Этим заведением владели родители Марии, и на прошлых выходных Саша попросила меня постоять настороже, пока они с Марией пробрались внутрь, чтобы стащить немного выпивки. Тогда мне постоянно казалось, что меня вот-вот стошнит – пока они обе не вышли наружу быстрым шагом, таща набитые бутылками сумки, пряча глаза за одинаковыми темными очками – словно только что провернули ограбление. Мы втиснулись на заднее сиденье машины Эми и разразились смехом. Казалось, что стоило затевать все это только ради этого момента.

Теперь почти все одиннадцатиклассники набились в ресторан, как сардины в бочку, и я едва могла расслышать собственные мысли – их заглушали болтовня и громкая музыка. Прия просматривала что-то в телефоне, и волосы, которые я ей завила, падали ей на лицо.

– Фух, здесь не ловит. Но посмотри-ка, – сказала она. – Саша выложила пост в «Инстаграме» двадцать минут назад – похоже, она только что закончила собираться.

Она наклонила ко мне телефон, и мое тело тут же напряженно застыло. Я инстинктивно запрокинула голову, чтобы не смотреть, – так резко, что чуть не потянула мышцы. В памяти вспыхнуло безжизненное лицо Мэгги. Каждый вдох обжигал легкие.

– Боже, – Прия погасила экран. – Прости, пожалуйста.

Я схватилась за грудь, пытаясь успокоить дыхание.

– Все нормально...

– Нет, я настоящая идиотка. Поверить не могу, что я забыла.

После смерти Мэгги... после всего того, что я тогда видела в соцсетях... Родители предлагали мне сходить к психотерапевту, но я отказалась, и они не стали настаивать. И все же иногда мне казалось, что стоило согласиться. Нельзя же так реагировать каждый раз, когда я вижу чью-то страничку в соцсети.

– Хочешь уйти? – Прия встревоженно наморщила лоб.

Я покачала головой:

– Нет, нормально, все прошло...

Внезапно кто-то схватил Прию за плечо.

– Дамы! – крикнул Зейн. Одновременно кто-то сделал музыку громче. Лицо Прии просветлело. Зейн держал три высоких бокала с пузырящейся жидкостью в одной руке, а другой жестикулировал, предлагая нам взять их.

– Спасибо. – Я взяла один, все еще чувствуя, как все внутренности стянуты в тугой узел. – Ох... это же не шампанское?

– Хотелось бы, – сказал он. – Газированный сидр. – Я отпила немного. Зейн тем временем вытащил из кармана металлическую фляжку. – Но я припас кое-что поинтереснее.

– Привет, – рядом появился Робби. Музыка зазвучала еще громче.

Шипучий яблочный сидр попал не в то горло, и я закашлялась.

– Привет, – выдавила я.

– Все нормально?

Я кашлянула в последний раз, наконец прочистив горло. «Осторожнее, Эмбер. Осторожнее».

– Ага. Все в порядке.

– Ты... ухо... так мило. – Середина фразы потерялась в общем гвалте.

– Что?

Протянув руку, он заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо, потом нежно провел пальцем по одной из сережек, которые я надела специально для сегодняшнего вечера. Это были золотые ловцы снов с маленькими кусочками янтаря. Наверное, он произнес какой-то комплимент насчет них.

Мой пульс ускорился.

– Спасибо.

Он сказал что-то еще, но я покачала головой, не в силах различить ни слова. Он наклонился к моему уху.

– Давай найдем местечко потише.

От того, как его теплое дыхание коснулось моей шеи, нервы словно вспыхнули огнем.

Прия строила глазки Зейну и была слишком увлечена этим занятием, чтобы заметить мой уход, поэтому я позволила Робби взять меня за руку и увести в другой конец зала. Мы протиснулись сквозь толпу, стоявшую у бара, и Робби распахнул огромную дубовую дверь, которая была немного приоткрыта. Щелкнув выключателем, он закрыл дверь за нами, и она тут же отсекала гам, превратив его в приглушенный гул. Здесь не было никого, кроме нас.

Наедине.

В каком-то богато отделанном приватном зале в ресторане.

Одни.

Мое сердце раздулось, словно готовый лопнуть воздушный шарик. Я по-прежнему ломала голову, с какой стати Робби захотел общаться с такой двинутой любительницей музыки, как я, но каждый раз, когда мы встречались, напряжение между нами нарастало.

– Ну так... в чем дело? – спросила я.

– Я просто хотел ненадолго уединиться с тобой. Тут жарко.

– Ага, народу много набилось. – Я отпила немного сидра, чтобы чем-то себя занять.

– И шумно, – сказал он. – Может, тебе стоит поиграть на пианино. Тогда ты их всех заткнешь. – Я хихикнула, чувствуя, как кровь приливает к щекам. – Так вот, я поговорил с Сашей о твоих композициях.

– О, правда? – А, так, значит, он притащил меня сюда, только чтобы поговорить о пьесе. После нашего разговора я послала Саше записи для первого и пятого актов «Ромео и Джульетты», и мне не терпелось работать дальше. Но я не знала, успела ли она их послушать.

– Ага. Сегодня я снова ее поспрашивал, и она сказала, что театральный клуб согласен. Ты будешь работать над «Ромео и Джульеттой».

– Что? – воскликнула я. Поверить не могу. Это и правда случится. На самом деле. – Боже, боже мой, спасибо. – Я бросилась к нему и каким-то образом ухитрилась обнять его, не переставая подпрыгивать на месте. Он рассмеялся, и я отстранилась, смутившись такого всплеска эмоций.

– Рад помочь, – сказал он. – Я понимаю, каково это – мечтать о чем-то столь масштабном. Я помахала ладонью, как веером, безуспешно пытаясь охладить лицо.

– А твоя мечта – бейсбол, верно?

– Ага.

– Твои братья ведь тоже играют? – В местные новости как-то раз попала информация о том, что одного из его братьев в прошлом месяце взяли в профессиональную лигу.

– Конечно. Лиам играет за команду Джорджийского Технологического, а Пол сейчас в «Ред Сокс». Я могу только мечтать, чтобы и у меня все так же хорошо сложилось.

– А родственные связи в этом помогают?

– Без понятия. – Он сунул руки в карманы. – Мои братья... у них большой талант. Мне всегда казалось, что они намного лучше меня. Но я просто стремился быть похожим на них – пока они тренировались на дворе, я старался повторять за ними. Но между ними разница

всего в год, а я на четыре года младше Лиамы. Так что они обращались со мной как с самым надоедливым созданием в мире. Я всегда был младшим братом, понимаешь?

– Но тебя это явно не остановило.

– Не остановило. Каждый раз, когда они хреново со мной обращались, я отвечал им тем же. – Он улыбнулся, отчего у него на щеках снова появились ямочки, и мое сердце опасно дрогнуло. – А у тебя есть братья или сестры?

Мэгги. К горлу подступила желчь. Мне не нужна была его жалость. Мне нравилось проводить время с Сашей и ее друзьями в том числе и потому, что, поскольку они учились в Хэмптоне, мы не пересекались в средней школе. Поэтому они так и не догадались, что я как-то связана с той ученицей Брюстерской старшей школы, которая погибла, когда мы учились в восьмом классе. Они не знали, что я была сестрой Мэгги. Когда люди узнают, что ты – сестра той самой погибшей девушки, они неизбежно начинают смотреть на тебя иначе.

– Нет. – Я улыбнулась, стараясь, чтобы это выглядело как можно естественней. – Только я.

– Наверное, это приятно. Но, знаешь, если ты вдруг почувствуешь себя одиноко... всегда можешь зайти ко мне. – Он зацепил пальцем петлю, в которую был пропущен ремень моих джинсов, и подтянул меня ближе к себе. Меня охватила дрожь. – Мои родители теперь часто ездят в Бостон на игры, в которых участвует Пол. Так что иногда мне тоже становится в каком-то смысле одиноко. – Другой рукой он снова заправил мне за ухо все ту же непослушную прядь, не переставая при этом смотреть мне в глаза. – Знаешь, я уже давно хочу кое-что сделать.

Мое сердце забилося так быстро, что мне показалось, будто он сейчас услышит, как оно колотится о мои ребра.

– Что же?

Он опустил взгляд – теперь он смотрел на мои губы.

– Думаю, ты и сама понимаешь.

О господи. Это случится сейчас. Прямо сейчас.

Но я никогда раньше ни с кем не целовалась. Если я сделаю все не так? Вдруг у меня губы слишком потрескались? Вдруг у меня вспотели ладони? А что делать с языком? Что угодно? Ничего? Что, если мое сердце взорвется прежде, чем я узнаю? Что, если...

Прежде чем я успела придумать еще больше поводов для паники, он коснулся рукой моего затылка и подтолкнул меня к себе. Наши губы мягко соприкоснулись. Он закрыл глаза, все крепче прижимая свои губы к моим. Меня обдавал жар, от которого кололо пальцы на руках и ногах.

Прижимаясь ко мне все сильнее, Робби толкнул меня к буфету. Я уронила свой пластиковый бокал, и сидр разлился на мои туфли с открытым носом. Но мне было все равно. Я обняла его за шею, тихонько выдохнула, когда он провел языком по моей верхней губе. Я всегда думала, что французский поцелуй – это отвратительно, но почему-то оказалось, что он заводит и заряжает энергией, – Робби хотел познать меня до конца, и я готова была ему это позволить.

Ну, может, я и не хотела позволять ему познавать меня полностью. Когда его пальцы начали подбираться к моим бедрам, я мягко оттолкнула его.

– Может, нам лучше вернуться на вечеринку?

– Ладно.

Он одарил меня еще одним долгим поцелуем. Я смущенно улыбнулась ему, и он пошел открывать дверь.

Но ее будто заело.

– Какого черта? – спросил он, крутя ручку.

– Захлопнулась?

Он провел пальцами вокруг дверной ручки.

– Тут есть замок, но нет ключа. – Он застучал кулаками по двери. – Эй! Дверь заклинило! – Я прикрыла лицо рукой. Теперь все узнают, чем мы тут занимались. – Есть тут кто...

Дверь распахнулась, и за ней оказались Мария и Прия.

– Ха! Извините. – Мария вынула из замочной скважины большой медный ключ и покрутила им у меня перед носом. – Дверь сама заперлась. – Она вставила ключ в замочную скважину с внутренней стороны двери и подмигнула мне. – Просто на всякий случай. – Улыбнувшись, она снова упорхнула к бару.

Я смущенно кашлянула.

– Иди, – сказала я Робби, мечтая только о том, чтобы рассказать Прие о произошедшем. – Я тебя позже догоню.

Улыбнувшись мне, он направился в главный зал.

– Прости, что сбежала от тебя... – начала было я.

– Да ладно тебе. Не извиняйся. – Она широко улыбнулась. – Вы там что, обнимались и целовались?

Мое лицо залила краска.

– Ага.

Мы обе взвизгнули, и она обняла меня.

– О господи, он такой симпатичный. Тебе так повезло.

Я попыталась убрать с лица глупую довольную ухмылку.

– А как у тебя с Зейном?

Ее улыбка тут же исчезла.

– Как только появилась Саша, я превратилась в бестолковую клушу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.